

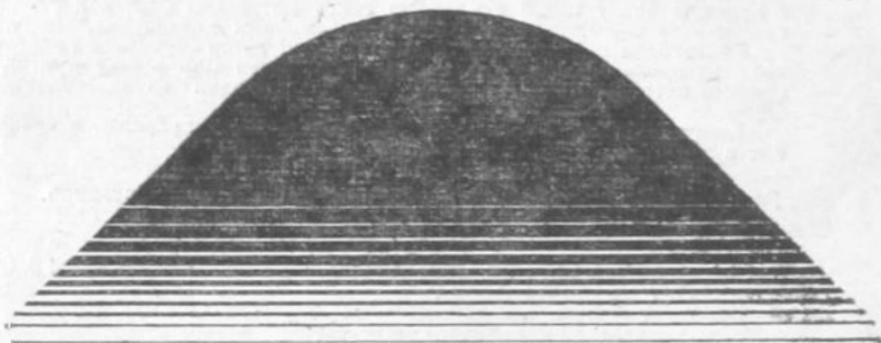
Б. В. Щербаков

Ожившие реликты

Б. В. ЩЕРБАКОВ

ОЖИВШИЕ РЕЛИКТЫ

ҚАҒНАР
1981

28. 688
УДК 502 (091). 7
Щ 61

Щербаков Б. В.
Щ 61 Ожившие реликты.— Алма-Ата: «Қайнар»,
1981, 120 с.

Эта книга о редких животных Казахстана. Многие из них занесены в Красную книгу СССР и Красную книгу Казахской ССР как редкие, исчезающие виды, другие являются эндемиками Казахстана.

Благородна общая направленность книги: автор стремится показать, как прекрасна жизнь природы, как гармоничен мир зверей и птиц и сколько потеряет человек, утратив хотя бы один из биологических видов.

Книга не оставит равнодушным и любителя природы, и специалиста-зоолога.

Рецензент — доктор биологических наук А. Ф. Ковшарь.

Щ $\frac{408000-070}{403(07)-81}$ 145—80. 4001020000

28. 688

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Пришло время, когда человек вдруг остро ощутил разрыв с природой, твердо осознал печаль утраты некоторых форм жизни, как бы спохватился, что без природы он сам не может гармонично развиваться и совершенствоваться. Ему стала понятной боль Земли, он вдруг услышал стон всетерпеливой матушки-природы. Сегодня большинство людей узнало, что на пороге исторической трагедии, связанной с угрозой исчезновения с лица земли по вине человека, оказался целый ряд животных и растений.

Обеспокоенный дальнейшей судьбой природы, человек стал говорить об охране ее. Красноречивым подтверждением проснувшегося сознания необходимости сохранения биологических видов является важный и тревожный документ времени — Красная книга. В ее списки включены сведения о тех обитателях планеты, которых осталось очень мало. И они катастрофически, что называется на глазах, отступают перед стремительной поступью всепобеждающего научно-технического прогресса. Подтверждает это печальная статистика — сегодня один из десяти видов животных находится в стадии резкого сокращения численности. Еще более печально сознавать, что каждый год предстоящего столетия предполагает вымирание одного вида животных. Поэтому сегодня, как никогда, встала важная задача воспитания у человека сознания того, что именно от него зависит судьба животных, не только включенных в списки Красной книги, но и многих других, считающихся еще обычными.

Мы нередко подчеркиваем, особенно если это касается каких-нибудь малоизвестных мелких животных, что они реликты — современники вымерших шерстистых носорогов или мамонтов, тем самым создаем вокруг них ореол историчности и уникальности. Тогда в представлении нашем раньше незамеченное крошечное существо как бы обретает значимость носителя зоологической старины. Однако мы не спрашиваем себя: так ли уж давно вымерли эти знаменитые гиганты, ставшие легендой исторического прошлого жизни. А они вымерли какие-то десятки тысяч лет тому назад. Если бы мысленно можно было заглянуть в глубины времен, когда формировались как биологические виды эти крошечные существа, то определенно путь их эволюционного становления увел бы нас в необозримые просторы времени, исчисляющиеся миллионами лет. Только уже поэтому смело можно сказать, что каждый существующий вид, наш сосед по планете и времени, очень древнего происхождения — древняя живая частица большой истории Земли. Только поэтому мы должны ценить все формы жизни как уникальное наследие дикой природы. Когда исчезает вид, воссоздать его заново ни силами самой природы, если бы ей предоставить такие возможности, ни тем более воспроизвести его искусственным путем невозможно. Вид — бесценное творение Земли и Вселенной, и если он исчезает, то раз и навсегда.

В своей книге, посвященной некоторым животным, включенным в Красную книгу, я старался рассказать так, чтобы приблизить их к читателю. Ведь, чтобы охранять животное, нужно знать его. «Ожившие реликты» следует понимать не только в прямом, но и в переносном смысле, то есть здесь речь идет о зверях и птицах, как бы заново оживших, потому что за жизнь их стали беспокоиться люди, так как значение их для природы и человечества стало понятным, обрело современное звучание.

РЫЖИЕ
ДЬЯВОЛЫ
ГОР

Летний полдень. Вечным покоем дышали заснеженные вершины гор. За сотню шагов в настоявшейся тишине слышался шорох осыпающихся камешков и легкий вздох оседающего снежника. Обласканные солнцем белые поля гор — снежники — струили прохладу.

На цветистой альпийской лужайке, у кромки снежника, отдыхали горные козлы-тэки. Опустив рогатые головы, они чутко дремали. Около лежащего стада рогачей на выступе скалы каменным сфинксом стоял сторожевой. Изогнутые ребристые рога и длинная щетка бороды придавали ему облик древнего мифического существа и делали его частицей этих диких гор. Казалось, часовой тоже вздремнул, едва прикрыв от спящего света медные раскосые глаза. Но их вертикальные, как восклицательные знаки, зрачки внимательны ко всему, как бы отражают этот первозданный мир у снежных горных вершин.

Высоко в нежно-голубом поднебесье широкими кругами носились, тихо «переговариваясь», красноклювые галки-клушицы. Уши старого тэка чутко вздрагивали. Хотя он и не видел этих птиц, но знал, что они мирно играют в спокойном небе.

Вдруг «дозорный» вздрогнул, вскинул голову и снова замер, словно изваяние. Вот его чуткий слух уловил в голосах клушиц нотку тревоги. Старый тэк ударил копытом по скале и громко «свистнул». В мгновение ока стадо было на ногах, будто оно лежало здесь не на отдыхе, а в ожидании этого сигнала тревоги. В подвижные ноздри животных пахнуло из-за увала резким и очень неприятным запахом.

Тэки бросились вдоль снежника к перевалу. Но тут же заметили двух рыжих хищников, похожих на собак, от которых шел этот невыносимо противный и резкий запах. Он повергал в ужас бегущих козлов. Путь к пере-

валу был отрезан, и тэки повернули к скалам, где в тесном ущелье гремела речка.

За бегущими рогачами сжимающимся полукольцом летел почти десяток рыжих «собак». Они точно рассчитали и гнали свои жертвы на верную гибель к самым скалам. Но старый рогач, видно, разгадав их намерение, в последний момент резко повернул выше к узкой горловине. Хищники, настигая стадо, от нетерпения издавали свистящие и шипящие звуки.

Цокнули копыта, словно подброшенный пружиной страха, старый тэк первым взвился над разверзшейся под ним пропастью и, описав полукруг, зацепился передними копытами за выступ противоположной скалы. Примеру его последовали остальные, каким-то чудом прикипая с разлету к скале на другой стороне пропасти, дружно перелетели и, не теряя скорости, мчались к спасительным скалам подальше от «рыжей смерти».

Убегающие козлы даже не заметили, что один из них, замешкавшийся перед прыжком на какую-то долю секунды, сразу же подвергся нападению: в его горло, пах и бедро одновременно вцепилось несколько клыкастых зверей. Они, повалив, стали рвать бьющуюся жертву. Кровавый пир закончился в считанные минуты. Еще где-то по скалам мчалось уходящее стадо, а здесь, облизывая кровавые пасти и повизгивая, один за другим к перевалу трусили рыжие звери.

Кто они, «рыжие дьяволы» гор, наводящие ужас на мирных тэков?— Это красные волки — *Cuon alpinus*. Название животному дал красно-рыжий окрас шерсти, длинной и густой, на спине достигающей шестнадцати сантиметров. Можно встретить особей с рыже-бурой, багрово-рыжей шерстью. У молодых шуба еще тусклая, буроватого тона со слабым рыжеватым налетом.

Это крупный хищник: его вес четырнадцать — двадцать один килограмм, длина тела сто пять — сто десять сантиметров. За счет укороченных лап он несколько мень-

ше серого собрата по высоте. Как представитель семейства псовых он соединил в себе черты своих ближайших родственников — волка и лисы: от своего серого кузена красный волк унаследовал лобастую голову с густо опущенными ушами. На его типично волчьем укороченном торсе красуется длинный (до пятидесяти сантиметров) и пушистый, как у лисы, хвост, узкая, почти лисья морда довершает это сходство. Так что на расстоянии неопытный охотник и даже натуралист часто может спутать его с лисой.

Красный волк издревле населял горные хребты Южной, Центральной и Восточной Азии. У нас в стране его встречают по окраинам Дальнего Востока, в Восточной и Средней Сибири, на юго-востоке Средней Азии и Казахстане — в горах Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау, Тарбагатая, Саура, Южного Алтая.

Людям красный волк известен давно. В Сибири его называют «дикой собакой», казахи — «чуге» или «кызыл каскыр», киргизы — «чо».

Несмотря на широкую известность в прошлом, красного волка в настоящее время увидеть почти невозможно. Так, в 1900 году орнитолог-любитель Н. И. Яблонский встречал их по реке Бухтарме, на озере Маркаколь видел их Г. И. Поляков — редактор орнитологического журнала. «Красные волки не были редкостью в горах Тарбагатая в 1912 году», — писал Г. П. Плотников. Добывали их, вероятно, в горах Саура в 1937 году. Мне известно, что на Южном Алтае недалеко от села Берели, на горе Узунжата, красный волк случайно попал в капкан в декабре 1964 года. Кстати, в Южном Алтае охотники-промысловики сообщают, что периодически эти звери там появляются, в основном, в зимнее время.

Как живет этот зверь в Казахстане, ученые, надо прямо сказать, не знают. Никому из них не посчастливилось наблюдать его в горах нашей республики, в родной среде.

Красный волк, сумевший снискать себе славу редкого, дерзкого, почти полуполегендарного хищника, подобно призраку, неожиданно появляется в той или иной местности и внезапно пропадает, как невидимка, на многие годы, чтобы когда-нибудь опять нанести свой визит. Среди охотников бытует суеверие, что красный волк опасен тем, что за убийство одного члена стаи охотнику отомстит вся стая.

«Мне, собиравшему сведения о красных волках в Киргизии,— писал старейший натуралист и знаток природы горной Киргизии К. Р. Беренс,— за 20 лет не раз приходилось слышать рассказы о том, что многие чабаны не решаются даже стрелять в красного волка при нападении на овечьи отары, опасаясь мести этого хищника, якобы высасывающего кровь из пойманной жертвы»¹.

Конечно, это все легенды, красный волк высасывать кровь просто не может, так же как и мстить.

Таким образом, вид исчезает с лица земли неизученным. Поэтому все, что известно о красном волке, приобретает большую значимость для его изучения и сохранения.

Из литературы и рассказов охотников видно, что живут эти звери в горах на высоте 2500—4000 метров над уровнем моря. Это, в основном, выравненные вершины-сырты, альпийские луга или скалистые ущелья, где водятся тэки, архары, косули, маралы, кабарга, сурки — животные, служащие основной добычей красного волка на Алтае и Тянь-Шане. Мне известен случай, который рассказал охотник. Несколько лет назад в Южном Алтае, охотясь, он увидел, как время от времени в зарослях карликовой березки мелькал чей-то красноватый хвост. Думая, что это лиса, охотник выстрелил. Добычей его оказался зверь необычный. По описанию, это был красный волк.

¹ Беренс К. Р. Под небом горной Киргизии. Фрунзе, 1977, с. 136.

С выпадением снегов волки спускаются из альпийского пояса ниже, в леса, но держатся здесь по южным склонам, где меньше снега и кормятся копытные. Здесь-то и раскрываются «охотничьи таланты» этого зверя. Когда стая преследует копытных, она всегда стремится окружить кольцом или же выгнать их к обрыву или же на замерзшие водоемы. Это о них английский писатель Р. Киплинг в книге «Маугли», являющейся одной из сокращенных вариантов «Книги Джунглей», описывает сотенные стаи «рыжих собак», которые истребляли все живое на своем пути. Если говорить всерьез, мало доверяясь художественному повествованию писателя, то эти «рыжие бестии» звериного рода не имеют равных себе по смелости, дерзости, жестокости и превосходной организации стаи. Вот что о них в своей книге «Черная пантера из Шиванипали» писал Д. Андерсон:

«Собираясь стаями по тридцать, а то и больше голов, они окружают тигра или пантеру и буквально разрывают хищника на куски, хотя и сами несут большие потери... Я знаю, по крайней мере о трех случаях, когда в кровопролитных битвах тигр был разорван на куски, хотя предварительно уничтожил несколько собак (так он называет красных волков) и многих порвал»¹.

Чтобы оценить дерзость этих зверей, достаточно вспомнить, что тигр, являясь символом могущества и красоты среди зверей, способен в два счета разогнать стаю серых волков. Где есть тигры, там не охотятся серые волки. Однако известно и другое, что серому волку удалось прогнать красных, когда те поедали свою добычу. Но приведем факты, свидетельствующие о «боевых подвигах» стай красных волков. «А медведь гималайский, который тигра может неплохо отколотить, как почует, поведя носом по ветру, дхолое (по-индийски — красный волк) пахнет! — спешит, не думая о престиже, уйти подальше.

¹ Андерсон Д. Черная пантера из Шиванипали, М., 1964, с. 150.

А если дух слишком силен и близок, скорее на дерево»¹.

Д. Андерсон, прекрасный знаток джунглей Индии, считал красных волков наиболее «разумными обитателями джунглей». Он рассказывает, как во время охоты волки, зная порядок преследования своей жертвы, высылают «фланговых» охотников, которые, забежав вперед, выгоняют зверя прямо на стаю, находящуюся как бы в засаде.

Очень интересны сведения М. И. Янковского, наблюдавшего в конце прошлого века этих животных на полуострове Славянском недалеко от Владивостока:

«Первые шесть штук появились весной 1890 года, и редкий день не падали жертвами их кровожадности козы либо олени. Люди часто их видели. Мы с ружьями гонялись за ними и подкарауливали, но все наши старания были напрасны. Они, просто шутя, ускользали от нас на всех охотах, задуманных нами самым хитрейшим образом. В июне они уже задавили как-то около самого дома козла, но разорвать его помешали им люди, подоспевшие к месту расправы.

Нынешней зимой (1892) появились опять эти хищники у нас на полуострове стаями в 20 штук и стали устраивать правильные охоты, грозившие систематически истреблять всех наших оленей. Каждый день стали находить на полуострове остатки свежеразорванных оленей или коз. Случалось стрелять в них на 500—600 шагов, но безуспешно. Я начал приходить в отчаяние.

В декабре (1892), перед Рождеством, красные волки выгнали оленя на двух верховых пастухов и задавили его у них на глазах, на расстоянии 200 шагов. И хотя пастухи пустили лошадей во весь карьер по направлению к ним с целью отбить оленя, волки в один миг его

¹ Акимущкин И. Мир животных. М., «Молодая гвардия», 1971, с. 132.

разорвали и с кусками во рту разбежались; на месте остались только голова и ноги»¹.

«Однажды я шел с товарищем по лесу. Внезапно слышался шум, и мы,— писал индийский натуралист Кесри Сингх,— заметили бегущую самку замбара. Увидев нас, она остановилась, повернула назад и, к полному моему изумлению, пошла прямо на меня. Меньше чем за десять ярдов она, дрожа всем телом, вновь замерла на месте. Винтовка у меня с собой была, но я даже не пошевелился, желая разобраться в причине столь странного поведения животного. Через несколько секунд на поляну выскочила свора красных волков. Они остановились на открытом месте и смотрели на нас, разинув пасти и высунув языки.

Ну, теперь пришло время действовать. Я прицелился в вожака и убил его. Волки не обратили никакого внимания на мой выстрел. Не сдвинулась с места и самка замбара. Не желая признавать своего поражения, я пристрелил второго волка, а затем и третьего. Последний выстрел не был смертельным, зверь издал дикий вопль, после чего вся свора исчезла в лесу. Как только они убрались восвояси, самка замбара затрусилась в противоположном направлении»².

Внезапность появления этого агрессивного зверя действует по-особому и на психику человека. Так, путешествуя по долине реки Уссури, известный исследователь Дальнего Востока Р. К. Маак писал, что красные волки внушают большой суеверный страх даже местным охотникам. Страх этот так велик, что не позволяет им убивать этого зверя. Собаки же, почуяв резкий специфический запах своих диких сородичей, ведут себя точно так же, как и при близком соседстве с тигром: панический страх и ужас сковывает их, они жмутся к ногам человека.

¹ «Крупные хищники». М., 1976, с. 230.

² Сингх К. Тигр Раджастхана. М., 1972, с. 91.

Если об охоте и местах обитания красного волка хоть что-то известно, то о «семейной жизни» этого животного имеются сведения очень скудные.

Очень редкие встречи с ними у нас в республике наводят некоторых зоологов на мысль, что красные волки вообще не размножаются на территории нашей страны. Однако в литературе имеются сведения о том, что в Центральном Тянь-Шане находили логово красного волка со щенками.

В отличие от серого эти волки не роют специально нор для выведения потомства, а используют уже готовые жилища других зверей и различные естественные убежища: пещеры, расселины скал и прочие укромные уголки.

Сведений об их размножении и образе жизни в это время в природных условиях в литературе нет. И лишь некоторые наблюдения за их размножением сделаны были в условиях московского зоопарка. Оказалось, что эти звери моногамы, образуют постоянные пары. Щенки у волчицы появлялись в апреле. К малышам сильно привязана не только самка, но и самец принимает участие в их воспитании. Например, он приносит и отрыгивал мясо, хотя щенки и не подкармливались, но это являлось показателем, что волк-отец приносит им корм в своем желудке, как это наблюдается и у серого волка. Отрыгиваемые куски мяса, смоченные уже желудочным соком, хорошо усваиваются волчатами. Способность к размножению сохраняется примерно до десятилетнего возраста.

Еще в тридцатых годах в Джунгарском Алатау заготавливали ежегодно по две-три шкуры красного волка. Вообще разрешался его отстрел в течение всего года. Но в последние двадцать лет его почти не встречали. В чем причина малочисленности? Зверь прекрасно приспособлен к среде обитания, искусный охотник, умело борется с врагами, и вдруг — вымирает. Больше того, красные

волки кочуют за добычей. Они, однажды где-либо объявившись, быстро опустошают местность. В поисках новых добычливых мест уходят дальше. Эти хищники всегда в пути и, как известно, в своих походах способны покрывать за короткое время огромные расстояния. Например, в Казахстане отмечены случаи заходов их на открытые равнины на расстояние 100 и даже 600 километров. Красных волков на равнине Зайсанской котловины встречал В. А. Хахлов в начале нашего века. По-видимому, волки спускались сюда с гор Саура и Тарбагатая.

Вероятно, редки они стали из-за промыслового отстрела: еще недавно в Киргизии за добытого зверя выплачивали вознаграждение — 50 рублей. В Маньчжурии в начале XX века шкуры их ценились до 8 рублей серебром. Кроме того, резко сократилась численность копытных — основной добычи этого животного.

Сейчас красный волк внесен в Красную книгу СССР, Красную книгу Казахской ССР, строго охраняется законом.

Уже совсем недавно (1979—1980 годы) многие охотники сообщали мне, что пара красных волков поселилась на Западном Алтае в отрогах Убинского хребта между селами Быструха и Михайловка. Так, однажды охотник М. Фадеев в январе 1980 года в течение получаса наблюдал их недалеко от Михайловки. Другие охотники-таежники встречали следы этой пары волков в декабре 1980 года выше верхней границы леса на Лийском хребте.

«НЕВЕДОМАЯ
МЫШЬ»

Над пустыней опустилась ночь, полноликая луна разлила мерцающий бледный свет. словно отполированные, тускло светились квадратики такыров и кварцевые, покрытые «пустынным загаром» камешки, отражая зыбкий свет на лунных дорожках. Все в пустыне наслаждалось прохладой и глубокой тишиной летней ночи. И только далеко-далеко время от времени раздавался одинокий печальный свист пустынного кулика-авдотки.

Вдруг где-то в чахлах кустарничках громко застрекотал кузнечик. Шестиногий полуночный музыкант таился в сплетениях ветвей. В тот же миг с едва уловимым шуршанием в направлении к зарослям покатила маленькая невесомая тень. Крошечное существо энергичными прыжками бежало к тому месту, откуда, «строчил» кузнечик. Вот маленький зверек достиг кустика, остановился, задвигал растопыренными ушками, натопорчил серебристый веер усов и неожиданно громко, почти как тот же кузнечик, застрекотал. Стрекотание послужило сигналом к началу маленькой драмы: уловив в этом звуке сигнал опасности, кузнечик спрыгнул на землю. Этого, оказывается, и ожидал маленький зверек. В несколько коротких прыжков он настиг кузнечика и, придавив его передними лапками, сначала прокусил ему голову, а затем стал потрошить свою жертву. Он выбросил все внутренности, отгрыз сухие лепестки крыльев и отбросил пальчатые лапки. Все, что осталось от насекомого, четвероногий охотник доедал, сидя на задних лапках.

Закусив, он тут же принялся умываться, без воды, конечно, где ее возьмешь в такой пустыне! Зверек закинул передние лапки за голову и стал энергично тереть ими за ушками, затем «обмыл» мордочку, почесал бока, пропустил через лапки хвостик и ловко вскарабкался на тонкую веточку кустика. Крепко уцепившись, он втянул

лупастую мордашку и стал почти круглым. Зверек большими мечтательными глазами, как замороженный, молча созерцал волшебный подлунный мир пустыни, наслаждался прохладой, вслушивался в ночные голоса и шорохи.

Кто же он, таинственный обитатель безводного пространства, который так хитро и ловко «сшиб» с куста незадачливого шестиноного «солиста»? Зоологам известны примеры подражания хищника своей жертве голосом среди птиц. А вот явление, где хищник — млекопитающее, а жертва — насекомое, — пожалуй, единственное.

История открытия этого животного несколько необычна, начинается она со времени планомерных исследований природных условий нашей республики. Получилось так, что о существовании его ученые узнали задолго до того, как им удалось его увидеть. Одна из научных экспедиций отправилась в центральную часть Казахстана, в Голодную степь, безводную Бетпакдалу. Эта пустыня до тридцатых годов XX века оставалась белым географическим пятном. Ее древнейшее название иранского происхождения переводится как «Равнина злосчастья». Казахи-кочевники называли ее просто — «чуль», что означает «жажда».

Первую экспедицию возглавлял молодой казахстанский ученый Виктор Алексеевич Селевин. Путешествуя здесь в 1935 году, Селевин обратил внимание на кости, уцелевшие в непереваренных остатках — погадках, отрывааемых хищными птицами. Эти кости он видел впервые и не знал, кому они принадлежат. Исследователь не рискнул делать поспешных выводов и отправил их ленинградским ученым. И, действительно, оказалось, что они принадлежат «зверю», доселе не известному науке.

Прошло еще три года, и вот в 1938 году однажды перед самым заходом солнца спутник Селевина в очередной экспедиции — студент Борис Белослюдов — в зарослях пустынного кустарника боялыча поймал зверька

странного вида. Вернувшись в лагерь, он открыл ладонь и показал Виктору Алексеевичу этого зверька. Крошечное мышевидное существо сидело на ладони и приводило в порядок свою измятую шерстку. Зверек даже не пытался укусить руку или убежать. Ничего подобного ученый до сих пор не видел. Неизвестный «зверь» смахивал на домовую мышь больше, чем на какое-либо другое животное. Он был покрыт шелковистой пушистой шерсткой мышинного цвета с оригинальным струйчатым узором более темной окраски. Горло и брюшко были светлые, почти белые. Хвост небольшой и тоже двухцветный: снизу — светлый, сверху — темный. Бросались в глаза крупные, растопыренные и очень подвижные ушки, которые, по желанию зверька, могли, как сухие листья, скручиваться в трубочку и разворачиваться. Крупные темные глаза говорили сами за себя — принадлежат они грызуну, ведущему сумеречный и ночной образ жизни. Удивительной оказалась его способность медленно передвигаться небольшими прыжками. Но с завидной ловкостью он лазал по веткам кустарников.

Трудно было разобраться, к какой группе грызунов он принадлежит. Не мышь, не хомячок и не песчанка и так прекрасно бегают по ветвям кустов, а это напоминает известных нам соней. Видимо, поэтому и называли его соней боялычней, так как жизнь его здесь в большей степени была связана именно с этим кустарником. Однако ученый не решался давать зверьку своего нового названия и временно в своем полевом дневнике записал его как «неведомая мышь».

Время шло, и зоологи Казахстана и Ленинграда, изучая кости неизвестного грызуна из Бетпакдалы, пришли к выводу, что имеют дело с животным, у которого даже нет близких родственников в многочисленном отряде грызунов. Подумать только, в такое время, когда млекопитающие планеты были уже хорошо изучены, и вдруг — открытие, и не где-то в джунглях Африки или

Южной Америки, а у нас в Казахстане. Надо сказать, что последнее неизвестное семейство млекопитающих было открыто в африканских лесах Конго в 1901 году, когда описали жирафоподобное животное — окапи.

В данном случае находка оказалась очень интересной. С открытием этого грызуна зоологам пришлось описывать не только новый вид, но и новый род и даже семейство. Зверька назвали «селевиния», в честь его первооткрывателя В. А. Селевина — первого исследователя Бетпакдалы. Название животного соединило навечно имена ученого и пустыни злосчастья — *Selevinia betpakdalensis*. И правильно поступили казахстанские ученые, не дав ему мудреного греко-латинского названия.

Изучив позднее организм селевинии, ученые установили ряд оригинальных особенностей, ей свойственных. У нее совершенно особое строение зубов — похожее и непохожее на зубы остальных грызунов: они развиты слабо, и поэтому селевиния не в состоянии прокусить даже кожу рук человека. А предкоренные зубы у нее легко выпадают и не восстанавливаются больше. При таких зубах ей недоступна твердая пища, довольствоваться приходится мелкими насекомыми.

Разве не удивительно и не парадоксально звучит — «насекомоядный грызун». Это почти то же самое, что и «травоядный хищник». То есть, она представляет собой как бы слагаемое — по строению это грызун, по питанию — насекомоядное животное. И это, пожалуй, единственный пример в мире мелких млекопитающих.

Особый характер питания сказался и на органах пищеварения. У нее не только упростились зубы, что является в эволюционном развитии зубного аппарата как бы шагом назад к древности, но и в связи с этим стал короче кишечник, исчезла слепая кишка, обычно хорошо развитая у других ее родичей из отряда грызунов. Не получили определенного развития и деления

жевательные мускулы. Таким образом, селевиния — как бы образец древнего представителя грызунов.

О селевинии можно сказать: «мал золотник, да дорог». До сего времени она единственная заключает в себе свой род и семейство, и нигде в мире, кроме земли казахстанской, она не найдена. Называют ее зоологи поэтому эндемиком юго-восточного Казахстана.

Оказалось, что род селевинии очень древний: остатки его были обнаружены в земных пластах, возраст которых насчитывает пять-шесть миллионов лет. Сейчас ее далекие родственники обитают в тропиках Индии.

Живет селевиния только в пустынях северного типа по щебенистым или глинистым участкам, где местами разбросаны заросли широко распространенных в пустынях полукустарников или кустарников, таких как боялыч, саксаул, карагана, спирея, полынь. Найдена она и среди редких зарослей пустынной растительности в бугристых закрепленных песках. До последнего времени места обитания этой сони были известны только в пустыне Бетпакдала. Однако зоологам удалось ее обнаружить в некоторых других пустынях, что говорит о ее более широком распространении, чем это долгое время было принято думать. Так, западная граница ее разорванного ареала находится в пустыне Дарьялык. Отсюда неширокой полосой ареал ее тянется в северном Прибалхашье через Алакульскую котловину до Джунгарских ворот. В июне 1976 года один-единственный зверек был пойман на востоке Казахстана, в Зайсанской котловине, в предгорной части пустынного невысокого хребта Монрак. Однако повсеместно селевиния редка. Причина в том, что у нее особые требования в выборе мест обитания, что определяет еще и спорадичность в ее распространении внутри ареала. О редкости этого зверька говорят и такие факты: за сорок лет после его открытия, несмотря на интенсивные исследования зоологов в области ее ареала, поймано всего лишь примерно три десятка селевиний. Редкость

встреч с ней, как полагают ученые, объясняется еще одной замечательной особенностью: она периодически впадает в кратковременные спячки, что связано с неблагоприятными условиями текущего лета, с засухой, когда исчезают насекомые — основная пища зверька.

Селевиния, или боялычная (пустынная) соня, названная за сходство с мышевидной соней, — ночное животное; деятельной бывает и в сумерках. Но, как это ни странно, в отличие от себе подобных грызунов, она ведет бродячий образ жизни. При каждой встрече селевинии, убегая от человека, никогда не пытались скрыться в повернувшейся норке. Мало того, в полуденный зной они также не прятались в подземные убежища, а отдыхали в тени кустарников. Казалось бы, живя в знойных безводных равнинах, соня должна была бы переносить безболезненно действие прямых лучей солнца. Однако она очень чувствительна к ним, оказавшись под прямыми лучами солнца, вскоре же получает ожоги на своих оголенных ушках.

Селевиния чрезвычайно прожорлива. Всего лишь за несколько часов она может съесть столько пищи, сколько весит сама. Например, за четыре с половиной часа она управилась с двадцатью большими зелеными кобылками и закусилась пятью саранчуками. В пустыне это животное не нуждается в водоеме, оно приспособлено довольствоваться тем малым количеством влаги, которое достается вместе с насекомыми: саранчой, кобылками, ночными бабочками, слепнями, мухами. Известны случаи поедания селевинией паукообразных — фаланг, пауков и тарантулов. Установлено, что эти плотоядные грызуны в естественных условиях охотно питаются нежными частями растений, как правило, сочными и насыщенными влагой. В неволе боялычная соня не отказывалась от настоящей мясной пищи. Она съедала мозг и мышцы мелких птиц; охотно пила воду, проявляла способности к плаванию.

Известный казахстанский писатель-натуралист Максим Дмитриевич Зверев одним из первых содержал больше года в зоопарке этого зверька, чтобы узнать что-нибудь о нем, так как никаких сведений об образе его жизни не было известно. Писателю, например, удалось сделать наблюдения за линькой, которая очень своеобразна и весьма по природе своей примитивна. Среди млекопитающих подобная линька наблюдается только у сурков. В общих чертах смена шерстистого покрова напоминает линьку рептилий: старые волоски не выпадают самостоятельно, а сползает небольшими кусочками верхний слой кожи — эпидермис — вместе с шерстью. На этом месте обнажается или голая кожа, или на ней уже имеется низкая и густая щеточка волосков, которые растут очень быстро — в сутки до половины миллиметра. Линька происходит в декабре, когда длина шерстистого покрова достигает одного сантиметра.

До сего времени сведения, собранные зоологами о размножении селевинии, крайне скудны, так как в естественных условиях пока пронаблюдать цикл размножения никому не удалось. Однако те крупницы фактического материала, кропотливо собранные отдельными наблюдателями, которым посчастливилось видеть продолжение рода, уже дают нам некоторые представления об этом, хотя получены они путем наблюдений за содержащимися в неволе сонями. Предполагается, например, что перед появлением потомства селевинии все-таки роют норки, или же устраивают свое гнездо в трещинах почвы, или чужих нежилых норках. Способность рыть норки впервые также наблюдал М. Д. Зверев в то время, когда животное начало готовиться к зимней спячке. А наблюдения А. С. Бурделова показали, что сони способны довольно быстро сооружать себе гнезда, например, из положенной в клетку ваты. В гнездах они проделывали по три-четыре входных отверстия. Но этом основании и предполагается, что в природе на случай размножения они строят гнезда.

У них рождается от двух до восьми совершенно беспомощных детенышей, у которых первое время закрыты ушки и глаза. На голом тельце имеется всего несколько грубоватых волосков-вибриссов. Беременные и кормящие малышей мамы встречаются в мае — июне и, по-видимому, они размножаются всего лишь один раз в год.

Как уже говорилось, в природе зоологам не приходилось находить нор селевинии, специально вырытых для потомства, однако однажды С. С. Соколову удалось обнаружить временные убежища, которые самка использовала, перетаскивая своих малышей по какому-то случаю из основной норы.

Из естественных врагов селевинии известны пока сычи, охотно поселяющиеся в пустынной местности. В их погадках и были обнаружены косточки этих грызунов. Надо думать, что сычи не единственные хищники, охотящиеся за этими сонями. Кроме пернатых, их потенциальными врагами являются хорьки, лисы, из рептилий — определенно змеи. Никто из них не упустит возможности закусить беззащитным зверьком.

Как представитель эндемичного семейства из отряда грызунов нашей фауны селевиния нуждается в строжайшей охране. Это уникальное произведение живой природы, сформировавшееся за миллионы лет, является неповторимым как по своей истории, так и по своему строению. Она так же важна для науки и для человека, как кулан или тигр. Я с удовольствием процитирую ученых Л. В. Жирнова и В. А. Орлова, высказавших свое беспокойство по поводу сохранения этого вида:

«Угроза утраты селевинии таится в редкости этого зверька, поэтому неконтролируемый отлов селевиний с целью сбора коллекционного материала может подорвать и без того малочисленное поголовье этого зверька. Следует установить строжайший контроль даже за отловом селевиний в научных целях. Кроме того, при организациях новых заповедников в пустынях Казахстана нужно

предусмотреть включение района обитания грызунов в границы заповедных участков с установлением режима абсолютной охраны естественных экосистем. Селевиния как уникальный представитель отряда грызунов должен быть сохранен»¹.

Сейчас селевиния — охраняемое законом животное — занесена в Красную книгу СССР и Казахской ССР. И можно надеяться, что представитель столь оригинального семейства среди млекопитающих фауны Казахстана селевиния, как и в далекие времена, будет жить под солнцем пустынь, стрекотать, подобно кузнечикам, за которыми она охотится при луне, заливающей своим призрачным светом огромные безлюдные пространства земель Казахстана. Но люди узнают о ней намного больше, чем знаем мы сейчас, и, возможно, сделают так, что зверьку не будет угрожать исчезновение с лица Земли.

¹ Жирнов А. В., Орлов В. А. Селевиния. «Природа», 1977, № 3, с. 127.

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ДВОЙНИК

В наше время открытие нового вида животного, принадлежащего к классу птиц или зверей,— явление редкое. Факт открытия неизвестного вида воспринимается в зоологическом мире как событие большой важности. Примерная схема подобных зоологических открытий выражается в том, что, встретив животное, исследователь не может определить, какой это вид, затем устанавливает, что он еще никем не описан. Однако в маленькой истории открытия зверька, о котором ниже пойдет речь, все было несколько иначе.

О его существовании было известно зоологам, но они не знали, что имеют дело с еще не описанным в науке видом. Между прочим, аналогичные примеры также имеются в мировом опыте систематиков.

Открытие этого животного связано с генетикой — наукой о наследственности. Странно, конечно, жил зверек тысячелетия и еще существовал бы неопределенно долго в масштабах земного времени, и вдруг, если бы не генетика, совсем молодая наука, и его бы не открыли...

Законспирированное самой природой существо принадлежит к хорошо известному нам отряду грызунов, точнее к семейству, не менее известному,— хомякообразных. Наш маленький герой является представителем рода казахстанских, так называемых джунгарских хомячков, состоящего из трех видов, из которых только два живут на территории нашей республики. Этот маленький хомячок и сейчас населяет закрепленные пески пустынь восточной части Зайсанской котловины. Ему и дела, конечно, нет, значит ли он или нет в списках ученых как животное, получившее право называться самостоятельным видом. Было ему все равно, что он некоторое время жил «под чужой фамилией»— до 1961 года считался хомячком Роборовского.

Вот как это случилось. В центральноазиатской полу-

пустыне Нянь-Шань в 1903 году был описан новый вид хомячка, пойманного в песчаной местности. Этого хомячка назвали в честь П. П. Роборовского — ученика и спутника Н. М. Пржевальского. Официально зверька стали называть хомячок Роборовского. В 1963 году этот же вид хомячка был впервые обнаружен и на территории нашей страны, на юге Тувы, а в 1956 году был найден в Зайсанской котловине в песках Айгыркум, расположенных на левом берегу Черного Иртыша. В этой же местности, изучая фауну млекопитающих пустыни, прилегающей к названной реке, в 1961 году ученый-зоолог Н. Н. Воронцов отловил около восьмидесяти хомячков. Сравнив их позднее с хомячками Роборовского, он не нашел каких-либо существенных отличий между ними. Таким образом, в специальной литературе и в схематических картах Казахстана стал фигурировать ареал, вернее сказать, часть ареала этого хомячка, занимающая пески Причерноиртышья.

Время — всему судья. Цитогенетический анализ наследственного аппарата хомячков Роборовского, пойманных в Монголии и Туве, и хомячков из Зайсанской котловины вдруг оказался разным, то есть численный набор хромосом в половых клетках был различным. А это уже, как показала практика, весьма серьезное основание, чтобы этих хомячков считать разными видами. Вот и получается, что у истинного хомячка Роборовского вдруг объявился двойник. Встал вопрос, как же тогда назвать этого великолепного зверька, населяющего пустынную часть востока Казахстана. Ученые пришли к выводу: дать название хомячку в честь выдающегося путешественника-исследователя Центральной Азии Николая Михайловича Пржевальского. Таким образом, в малочисленном роде джунгарских хомячков нашелся новый, до этого неизвестный родственник, герой нашего очерка, — хомячок Пржевальского (*Phodopus przewalskii*).

Ученые — народ осторожный и беспокойный, никогда не останавливаются на достигнутом. Так и в этом случае: казалось бы, открыли и описали новый вид, описали подробно внешность зверька, дело стало за тем, чтобы изучить образ жизни и его индивидуальные связи, роль в общей биологической цепи живых организмов той экологической обстановки, где он живет. Однако, нет, сомнения и по сей день не покидают зоологов-систематиков: что это — самостоятельный, как принято иногда говорить, «хороший» вид или же просто географическая форма, имеющая незначительные различия, которые приобретены им в несколько иной экологической среде, географически отдаленной от пустынь Монголии.

Окончательный ответ на эту зоологическую загадку, как ни странно, могут «дать» только сами хомячки, но не без вмешательства зоологов. Оказывается, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с одним или двумя видами, нужно экспериментальным путем от этих видов-двойников получить потомство. И если потомство их окажется плодовитым, значит, это один вид, если же, напротив, бесплодным — это, конечно, самостоятельные «хорошие» виды хомячков. И все-таки вопрос этот решить сложно, ведь сейчас мы немало знаем гибридов среди некоторых животных, у которых появляется на свет нормальное потомство. Это как раз говорит о том, что разновидные родительские пары представляют собой близкородственных в систематическом отношении животных, что свидетельствует об их относительной «молодости» как видов. Нам известны успешно размножающиеся гибриды таких видов среди птиц, как серая и черная вороны, обыкновенная и белошапочная овсянки.

Ну, а пока ученых терзают сомнения, наши виды-двойники, как и тысячи лет назад, рождаются и умирают в знойных пустынях географически разобщенных районов Центральной Азии. Хомячок Пржевальского — симпатичный зверек, имеющий тонкую светло-песчаную

окраску, светлая шерстка снизу делает его двухцветным. Однако цветовая контрастность в окраске на первый взгляд не бросается. Усы длинные, светлые. Глаза крупные и, когда зверек находится в спокойном состоянии, придают ему мечтательный вид. Он немногим крупнее домового мыши, кругленький и толстенький, как и его родич — джунгарский хомячок, походит на привлекательную игрушку, со вкусом сшитую мастером-кукольным. Игрушечный вид этому зверьку придает овальная задняя часть, отчего он кажется круглым, как шарик. Хвост имеется, но это не хвост, а одно название — совсем коротышка, его и не видно. У этого «шерстяного» зверька даже лапки снизу покрыты густой щеточкой волосков, что связано с жизнью его в песчаных пустынях. В отличие от хомячка Роборовского у хомячка из Зайсанской котловины имеются светлые пятна, наподобие очков, приподнятых над выкаченными глазами. Таких же два пятнышка есть у него и позади тонких небольших ушей. Охристые тона придают животному «ландшафтную», или «пустынную», окраску, прекрасно маскирующую его среди песчаного грунта.

Живут эти «игрушечные» зверьки в мелкобугристых пустынях и полупустынях Зайсанской котловины как на левом, так и на правом берегах Черного Иртыша. Проник хомячок сюда, как предполагают ученые, из прилегающих участков пустынь, находящихся за пределами нашей страны. Однако до сего времени данный грызун не найден нигде, кроме как в Зайсанской котловине, но он, несомненно, населяет пески Джунгарии, а возможно, и Монголии. Территория распространения хомячка Пржевальского, известная пока ученым, очень мала. Как было уже сказано, найден он только в восточной части Зайсанской котловины, на севере — в бугристых песках реки Буконь и больше нигде в мире. Живет здесь в бугристых закрепленных редкой растительностью песках как южнее, так и севернее Черного Иртыша. И дальше этот

хомячок не смог расселиться, так как с севера полупустыню, прилегающую к пойме, ограничивают невысокие отроги Курчумского хребта, с юга — горы Саура. В Причерноиртышских и Буконьских песках, где найден этот зверек, желто-серые холмы одевает разнотравная растительность, на вершинах бугров стоят невысокие развалистые кустики джузгуна. Кое-где в понижениях, особенно в пустыне Айгыркум, шумят зеленые рощицы из тополя и березы. Склоны задернованных барханов пестрят следами многочисленных обитателей. Но не сразу узнаешь среди них след нашего хомячка. Его может распознать лишь только опытный натуралист в густой сети суетных и сбивчивых следков, опутывающих кустики на горячем песке.

Хомячки Пржевальского — самые мелкие представители своего семейства, вес их достигает в среднем двадцати граммов. Но по природе своей это довольно агрессивные существа по отношению к себе подобным: «гостя», зашедшего на территорию соседа, злобный хозяин провожает, кусая острыми, как шило, зубками.

Пойманные и посаженные в клетку несколько хомячков нередко загрызают один другого. Поэтому они и в природе живут поодиночке, не образуя колоний, как, например их соседи, песчанки или желтые пеструшки.

Каждый хомячок живет «своим домом». Норы их простые, без сложных подземных лабиринтов, без запасных ходов и выходов. Возвращаясь домой с ночных прогулок, хомячок тут же вход за собой забивает песком, чтобы было меньше неприятностей: не пожалует сосед да и из паукообразных фаланга или скорпион, не заползет змея, не забежит ласка и мало ли кто, способный погубить его. Песчаная пробка сберегает норку от пересыхания и осыпания, сохраняет прохладу, когда кругом губительный зной.

На кормежку хомячок отправляется с наступлением сумерек. Он буквально выкатывается из своей норки и

стремительно бежит по известной ему песчаной «дорожке» к знакомым кормовым местам. Его короткие опушенные лапки шелестят, мелькая, как заводные. Окаймленные белыми полукольцами ушки стоят торчком — зверек на чеку: не шуршит ли где песок под лапами рыскающей лисы, не колыхнуло ли воздух крыло бесшумной совы. Подвижная усатая мордашка постоянно вертится в разные стороны, так зверек ловит окружающие запахи: где свежая зелень, где чужая нора, а где и хищник недавно прошел — нужно быть осторожным. Броские с виду белые пятнышки на одноцветной «песчаной» шерстке хомячка играют роль своего рода световых сигналов, иначе говоря, «фонариков», которые заметны на нужном расстоянии и для зверьков этого вида, вероятно, служат опознавательными знаками.

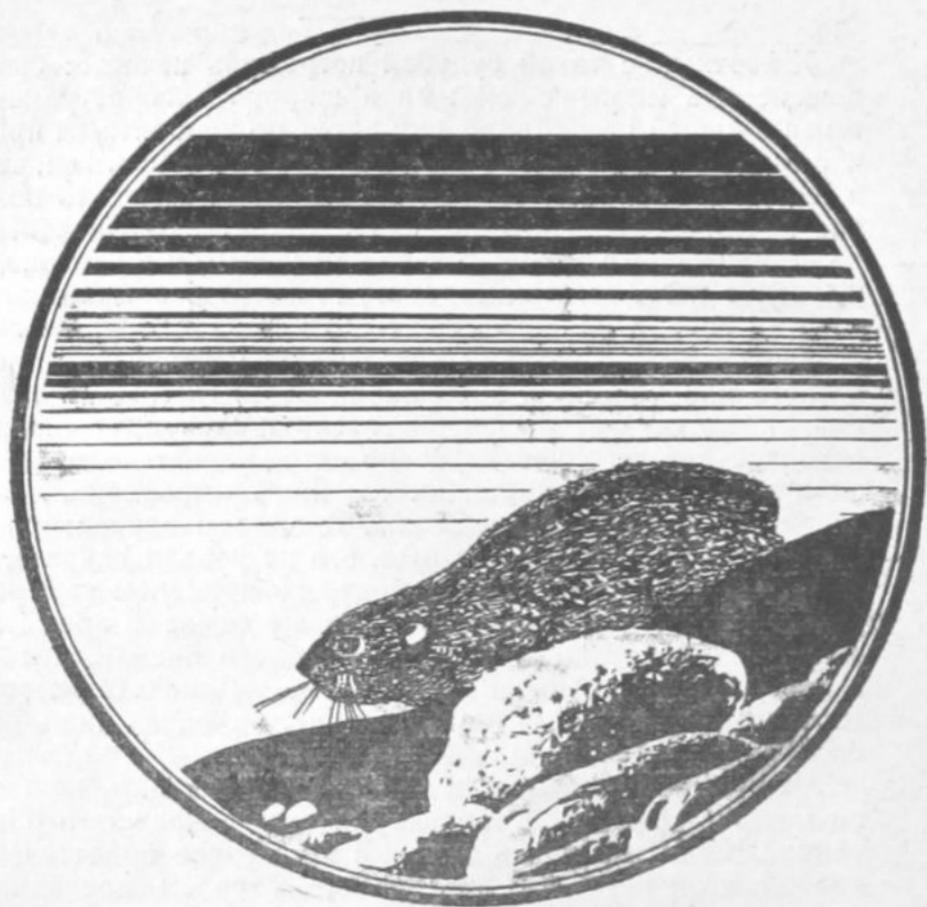
С наступлением зимы хомячки углубляют свои летние норы, утепляют их. Всю зиму они питаются летними запасами пищи, которые делают заранее, используя для транспортировки свои защечные мешки. Эти самые «мешки», имеющиеся у всех наших хомяков и хомячков, — замечательное приспособление. А ну-ка, попробуй по зернышку, по два таскать корм в кладовую — умаешься. И вот зверьки приспособились носить зерна в защечных мешках. Набьет их до отказа, словно щеки от зубной боли раздуло, даже глаза прищурены, сделались миндалевидными, как у восточной красавицы, и семенит по своей тропке к норе. Однако достаточно нескольких движений передними лапками по мордашке сверху вниз, чтобы, как фокуснику, высыпать запас семян различных растений. Иногда в кормах встречаются зеленые веточки, попадают и жуки. Опростав защечные мешки, хомячок благодаря темно-карим большим глазам вновь обретает озадаченный вид. Да и как не озадачиваться, опять работа — бежать за кормом, иначе не проживешь.

О жизни этого хомячка мало еще известно ученым. Поэтому при описании его часто употребляют слова

«очевидно», «видимо». Так, например, хомячок Пржевальского, видимо, растительноядное животное. Но те зверьки, которых зоологи содержали в неволе, охотно поедали семена различных трав и кузнечиков, мучных червей. Очевидно, рацион его не только растительный.

Также можно предполагать, что, как и все грызуны, эти зверьки очень плодовиты. Размножается, видимо, в течение всего года. Одна пара за лето приносит два-три помета. В каждом помете молодых бывает от четырех до восьми. Растут и развиваются они быстро, и уже через три-четыре недели прибылые самки сами становятся способными к размножению. Самцы созревают позже самок. И все же этот вид под угрозой. Беззащитное животное страдает от лис, хорьков, сов. Особенно хомячки гибнут во время многоснежных зим, когда все кормовые растения скрыты под глубоким снегом. Ограниченный ареал зверька еще более сужается из-за хозяйственной деятельности человека: неумеренной пастьбы скота, лесопосадок, распашки земель. Данный вид хомячка интересен в научном отношении. Его необходимо сохранить. Поэтому он внесен в Красную книгу Казахской ССР.

ОЖИВШИИ
РЕЛИКТ

Животных с такой судьбой встретишь нечасто: бывшие весьма многочисленными и широко распространенными в нашей республике, они вдруг по непонятным причинам стали повсеместно вымирать. И кончилось тем, что в XIX столетии зоологи вынуждены были отметить полное исчезновение этого зверька с территории Казахстана. Животное мелкое, из отряда грызунов, и ни мяса, ни шерсти с него, малоинтересное для человека. Однако с точки зрения биологов факт его исчезновения весьма огорчительный. Ведь нам известно, что любой вид животного или растения, прошедший через горнило эволюции, представляет бесценное звено живой природы, а глубокое всестороннее изучение его являет собой тот один-единственный кирпичик научного мироздания, которое мы называем «биология». В данном случае произошло нежелательное: вид был, его не успели изучить, и вдруг его не стало. Любую утрату со временем забывают, так часто бывает в жизни. То же самое и здесь: в специальной научной литературе зоологи писали, что по неизвестным причинам вид вымер. Доказательством того, что он обитал в нашей стране, являлись лишь несколько шкурок из коллекций. Вот и все.

Что же это за зверек и что случилось с ним, почему он исчез с громадной территории своего прежнего обитания? Чтобы получить хотя бы примерное представление об этой исторической загадке, откроем последние страницы его длительной биологической истории, откуда узнаем, что это один из грызунов, бывший весьма многочисленным в Крымских степях в четвертичный период. Многочисленным он был в песчаных пустынях между речья Волги и Урала, а также в северо-западной части Прикаспия. Остатки его находили в пустынях западных чинков плато Устюрт, в Прикаспийских и Приаральских Каракумах, в Прибалхашье. По всей вероятности, ареал

этого зверька в нашей стране тянулся от Урала через Центральный Казахстан, Зайсанскую котловину и далее за рубежом — Джунгарию до пустынь Гоби и Цайдама.

В Прикаспийских Каракумах костные остатки этого зверька найдены в отложениях, возраст которых примерно 1900—2800 лет. Не менее широко этот грызун был распространен и 9—6 тысяч лет тому назад, то есть когда человечество находилось в каменном веке. Так, по сведениям Н. Н. Тропина, изучавшего костные остатки животных того времени, оказалось, что этот грызун был самым многочисленным: остатки его составляли больше половины от вместе взятых костей, принадлежащих другим млекопитающим.

Ученые пытались установить, в чем же дело? Какие же причины стали роковыми для этого вида? Одни считали, что вымирание зверька в Европе было связано с изменением климата и условий его жизни. Другие связывали это событие с массовым заболеванием чумой, холерой или еще какими-нибудь опасными инфекциями. И, наконец, третьи предполагали, что гибель этого вида в северных местах ареала была связана с «консервативностью признаков строения тела». Проще говоря, гибель была вызвана несоответствием внешних и внутренних особенностей строения животного изменившимся условиям того времени. Например, А. Н. Формозов исчезновение данных грызунов объяснял процессом интенсивного пескообразования между Волгой и Уралом, что, по мнению ученого, после последнего оледенения и привело к отступлению их из Европы в восточном и юго-восточном направлениях. Предположение это кажется более убедительным, если рассматривать его в связи с тем, что зверек этот исчезал там вместе со своими давними соседями — большой и краснохвостой песчанками. Кроме того, под влиянием изменившихся условий существенно изменились границы ареала и ближайшего родственника нашего исчезнувшего реликта — степной пеструшки —

и еще ряда некоторых грызунов. Примерно таким образом выглядит судьба этого широко в прошлом распространенного грызуна, названного желтой пеструшкой — *Lagurus luteus*.

До сороковых годов XX века с середины прошлого считалось, что желтая пеструшка вымерла. И вот неожиданность: кости этого зверька вдруг обнаруживаются в погадках хищных птиц в горах Ортау, у станции Басага и в южной части Казахского нагорья, в частности по скалам Акчатау и Кызылтас. Эти находки означают: внимание! В центральной части Казахстана «вымершая реликвия» сумела пережить драму своего «черного века»! Находки останков пеструшек в погадках птиц свидетельствовали еще и о том, что численность ее там увеличилась до таких масштабов, что нет-нет да и стала попадаться она в лапы пернатым хищникам, охотящимся на грызунов.

В Казахстане пеструшки, принадлежащие многочисленному отряду грызунов, представлены только двумя видами — степной и желтой. Наша героиня — желтая пеструшка — по размерам превосходит свою родственницу, длина ее достигает пятнадцати сантиметров. Как и подобает коренному жителю засушливых мест, шерсть ее окрашена в песчаный цвет, лишь на спине в виде едва заметных темных штрихов проглядывают черные волоски. На боках тела, словно припорошенных песком, выделяются желтоватые подпалины. Брюшко более светлое. Для ее крупной головы характерна почти скульптурная рельефность мышц, темные и крупные глаза придают ей весьма привлекательный вид.

«Пустынный» цвет этого зверька является классическим примером покровительственной окраски. Можно пройти рядом и не заметить ее там, где, казалось бы, спрятаться невозможно. Однако эти грызуны сразу же обращают на себя внимание своими стремительными перебежками или же выдают себя тем, что стоят колыш-

ками у своих нор и хорошо заметны среди опаленной равнины, покрытой чахлой растительностью.

Очень своеобразна фигурка бегущей пеструшки: передняя часть туловища едва возвышается над землей, задняя же, напротив, заметно приподнята, так что бегущий зверек напоминает крошечный бесшумно катящийся фэзтончик. Бегают они поразительно быстро: кажется, что животное не бежит, а катится. Диву даешься, как только оно не наткнется, не зацепится за куст или траву.

Удивляет этот вид и другой своей особенностью. Ему свойственна необыкновенная скорость размножения, что ведет к резкому увеличению численности, с одной стороны, и с другой — не менее высокая скорость расселения по территории, где имеются подходящие для него условия. Однако в буйной стихии необузданного размножения и расселения имеются свои и весьма существенные ограничители. Высокая численность их в одни годы внезапно сменяется резким спадом до минимально критического состояния, как это и было в Центральном Казахстане. Если рассмотреть колебания численности желтой пеструшки в хронологическом порядке за последние годы в Зайсанской котловине, то мы увидим следующую картину: обнаруженная впервые на востоке республики у города Зайсана в 1965 году желтая пеструшка летом 1967 года резко увеличила свою численность; однако уже в 1968 году, как показали наблюдения, она вовсе исчезла и появилась вновь на следующий год, а в 1970 году кривая роста численности поголовья их резко пошла вверх, и уже на следующий год животные расселились в Призайсанье довольно широко — от поселка Буран более чем на сто километров к западу вдоль побережья озера Зайсан.

Цикличность резких взлетов и падений численности в достаточной мере проявилась и в 1972 году — пеструшка вообще не попадалась на глаза зоологам. Однако, по видимому, она в небольшом количестве где-то сохрани-

лась, так как уже весной следующего года стала обычным зверьком этих мест. Летом 1978 года мы отметили, что численность этого грызуна достигла в северной части Зайсанской котловины своего апогея: зверьки буквально наводнили северную часть Призайсанья, расселившись от побережья озера до предгорий Южного Алтая. Чтобы представить, как велика их плотность, достаточно сказать, что местами на каждые сто погонных метров отмечалось двадцать — тридцать жилых нор. В этот год они встречались в различной экологической обстановке полупустыни: по щебенисто-глинистым участкам, покрытым разреженной низкорослой полынью, на плотных глинистых участках равнины с чахлым злаковым разнотравьем, на песчаных берегах озера, а также по каменисто-щебенистым склонам подножья небольших скалистых сопок Карабирюк и Чакельмес. Встречали мы их в ковыльной степи с отдельно стоящими кустами чия или среди разреженных зарослей саксаула.

В большом количестве они обитали южнее поселка Торткалмак в глинистом валу, образованном при рытье канавы. И особенно много пеструшек было у мыса Бакланий и около горы Чакельмес. Здесь молодые зверьки кормились на берегу круглый день, и, что интересно, они держались очень доверчиво, можно сказать, безразлично к появлению человека, последнее, вероятно, вызвано было кормовой конкуренцией в связи с перенаселением. Занятых кормежкой пеструшек нам удавалось ловить голыми руками.

При воспоминании о встречах с этим оригинальным зверьком перед глазами невольно встают необозримые просторы Зайсанской котловины. На желтоватой глинистой почве, усыпанной кремовыми кварцевыми окатышами, там и сям разбросаны пятна запашистой полынки. Земля словно пропилена темной сеткой трещин. Под ногами хрустят и пылят засохшие травинки и кустики солянок. Вдали виднеются одиночные куртинки и кусты

караганы, развалистые тяжеловесные саксаульники или же возвышаются желтоголовые зонты ферул. А там дальше горизонты равнины сливаются с текущим перегретым воздухом и едва угадываются очертания Курчумского хребта, запирающего котловину с севера. От горячего струящегося воздушного течения качается зыбкой волной темно-синяя глыба древнейшей горы Карабирюк. Еще дальше к югу будто плавает у самого горизонта стоящая на берегу Зайсана сопка Чакельмес. На востоке, с высоты птичьего полета среди желтых песков темной, почти лиловой лентой тянется пойма Черного Иртыша.

Солнечный жар вокруг рождает миражи, плавит горизонты. Утомленные зноем жаворонки прячутся в ветхую тень убогих кустиков. Вон, на бугре, опустив крылья и открыв гнутый клюв, тяжело дышит беркут. Орел повернулся грудью к легкому ветру и жадно ловит его распахнутыми крыльями и раскрытым клювом.

Мы идем, обливаясь потом, мечтая об одном глотке холодной водицы. Травы тоже хотят пить, они сникли, все живое попряталось. Вдруг из ближней норы выскакивает длинноногая темно-охристая каменка. «Чек-чек», — кричит резвая птица, в такт чеканью всплескивает темными крыльями и дергает двухцветным хвостом. Вот она сорвалась, низко летит над опаленной землей, садится, чекает и тут же пропадает в первой попавшейся норе.

Вокруг, куда ни посмотришь, видны норы, в которых поселилась тень. Все это — жилье желтых пеструшек. От темных пятен отверстий во все стороны тянутся тропки. Они почти прямые, разве только огибают стоящий на пути кустик или кочку. Пока идешь, пеструшек не видно. Но стоит остановиться и подождать пять — десять минут, как из одной, другой, третьей норы на свет появятся их подземные обитатели. Зверек высунется и замрет глиняным окатышем. Он еще долго торчит у норы, так что начинаешь сомневаться, живое это существо или ко-

мок глины. Нет, конечно, у комков не бывает же темных внимательных глаз, подрагивающих усов... А зверек, убедившись, что серьезной опасности вы не представляете, ни с того ни с сего вдруг стремительно пускается по изученной тропке. Не успеешь моргнуть, а он с разбегу исчез. Но, увидев, что погони не последовало, опять обращается в глиняный столбик, застынет у норы и внимательно изучает прищельца, словно всем своим видом спрашивает: «Видел, как я здорово бегаю? Попробуй, догони!»

Вот после каких-то непонятных соображений он короткими перебежками уходит по тропке по своим делам. Доверившись, садится около кустика травы, торопливо скусывает веточку и, придерживая ее передними лапками, мгновенно поедает. Травинка на глазах пропадает, словно втянутая мясорубкой. Пока наблюдаешь за одним зверьком, внимание невольно привлекают другие, перебегающие между нор пеструшки. Но стоит лишь слегка колыхнуться, сменить затекшие от напряжения ноги, и зверьки сломя голову мчатся к спасительным норам. Как я говорил, скорость их настолько для их размеров велика, что я видел, как случайно налетевшая на кустик пеструшка взлетела в воздух, перевернулась несколько раз, громко шлепнулась и, каким-то чудом не потеряв после сальто-мортале направление, мгновенно нырнула в нору. Соседние «спринтеры» выжидательно встали столбиками и также были готовы в любой миг шмыгнуть в подземелье.

Такую маневренность желтым пеструшкам позволяет развивать особо устроенная система нор и отнорков. Свои подземные «дома» эти грызуны устраивают обычно у основания кустиков, так что они не сразу заметны для охотящихся на них хищных птиц да и менее доступны. От основной норы копаются отнорки — запасные ходы и выходы. Они выходят на поверхность на расстоянии трех — пяти шагов. Число этих отнорков бывает значи-

тельным, например, на плотных глинистых почвах их — до десяти, а на мягких песчаных — до тридцати. Так что в местах поселений колоний земля сплошь изрыта. Вот, например, как об этом рассказывает молодой зоолог К. П. Прокопов, изучавший их: «Прогалины были настолько ископаны, что невозможно сделать шага, чтобы не наступить на нору. В таких местах добыть выливанием пеструшек невозможно, так как они перебежали из норы в нору (иногда с детенышами в зубах) и даже прятались в кусты»¹.

Норы роются под небольшим углом к поверхности, они отличаются от нор других грызунов, живущих по соседству, тем, что около них имеются выбросы гнездовой подстилки, похожие на мелко истриженный силос из кусочков травы, перемешанный с землей и пометом хозяев. Некоторые отнорки предназначаются специально для выгребов нечистот и использованной подстилки. Особенно нетерпимо эти жители пустыни относятся к сырости. Если после дождя нора отсыреет, они обязательно приступают к ее чистке и проветриванию, после чего пеструшки создают в ней привычный уют: натаскивают зеленые части растений и устраивают постель.

Очень забавно наблюдать за молодыми зверьками, резвящимися у своих подземных хижин. Они нетерпеливы и уже через пять минут начинают подглядывать и высовываться из нор. Затем, немного осмелев, выбирают, застывают и внимательно изучают вас. Интересно, что в это время зверьки не смотрят прямо на человека, они просто таращат глаза куда-то ввысь и, видимо, таким образом получают необходимую информацию сразу обо всем, что происходит вокруг. Ни одно движение не остается незамеченным ими. Ну, а в данных обстоятельствах, когда в двух шагах находишься у норы, ясное дело,

¹ Прокопов К. П. Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, «Наука», с. 140.

своим всепоглощающим взглядом они изучают тебя: кто, зачем пришел, опасен ли? Проходит несколько минут, и малыши, как взрослые, начинают совершать подстрекательные перебежки: один за другим они срываются и мчатся, взметнув палевый бесхвостый зад, мгновенно пропадают в ближайшей норке, чтобы через несколько секунд опять застыть любопытным столбиком у входа.

Любопытство и жизнерадостность вообще присущи этим зверькам. А ведь жизнь их на полынных участках котловины, образно говоря, горькая-прегорькая: питаются они только полынью; воды нигде нет, дожди выпадают крайне редко, так что обходятся той мизерной влагой, которая есть в полыни, то есть можно сказать, пьют зверьки полынную воду. В полдень нагретый воздух насыщается горьким запахом полыни; постели свои в норках пеструшки стелят тоже из полыни.

Разве не горькая жизнь, когда на каждом шагу подстерегают когтистые лапы и клыкастые пасти терпеливо выжидающих хищников. «Будь всегда начеку, иначе не миновать когтей или зубов», — таков девиз всех мелких зверьков. Несладкая эта жизнь, — чтобы выжить, да с такой быстротой размножиться и расселиться, нужно обладать завидной жизнестойкостью. У них она выражается в плодовитости. В этом отношении пеструшки — поразительные животные. В одном помете у самок бывает по «чертовой дюжине» детенышей, в среднем же в весенние месяцы число их равно примерно восьми-деяти. Осенью заметно меньше — по четыре-пять. Объяснить это можно лишь обилием зеленого корма весной, когда пустыни и полупустыни преобразуются, покрываясь сочной зеленью. По наблюдениям К. П. Проконова за размножением желтых пеструшек в неволе, самцы их во время родов выполняют в некотором роде роль повитухи. Например, они облизывают новорожденных и подправляют гнездо. Детеныши рождаются беспомощными,

но растут и развиваются быстро, и уже через месяц вес их увеличивается почти в восемь раз.

Размножаются пеструшки в течение всего теплого периода года. Иногда встречались беременные самки в ноябрьское предзимье. Молодые, родившиеся в мае, уже в июне сами становятся мамами. Созревание самцов происходит несколько позже. Теперь понятно, почему эти зверьки за один сезон способны в несколько раз увеличить свою численность. При благоприятных условиях размножение их идет в так называемой геометрической прогрессии.

Молодые после прозрения, дней через десять, выползают из нор и постепенно привыкают к жизни, хлопотливой и полной опасностей. Окрепнув, юные зверьки оставляют родительский дом и поблизости строят свой. Первые норы сеголеток неглубокие: их длина не превышает метра, они доступны для разных четвероногих хищников. Время расселения молодых обычно приходится на середину июня.

Малыши желтых пеструшек, как и вообще все детеныши, симпатичный презабавный народец. Особенно интересно наблюдать за ними в утренние часы, когда над оживленной степью скользят нежаркие косые лучи солнца. Один за другим они дружно высыпают из нор и ваньками-встаньками напряженно стоят, рассматривая человека, даже если он находится всего в одном-двух шагах от норы. Любопытство — вещь, присущая многим животным, но страх перед окружающим передается им вместе с молоком матери. Достаточно щелкнуть фотоаппаратом, как они в мгновение ока дружно бросаются в нору, нередко, при этом, мешая друг другу. Бывает так, что смельчаки, первыми выбравшиеся из норы, несутся обратно, а у выхода, распираемые любопытством, находятся робкие, и тогда происходит свалка: удирающие в панике ломятся в нору, сминая встречных. Я видел, как в подобной ситуации в воздухе лишь беспомощно сучили

их задние лапки. Но малыши-есть малыши, страх проходит быстро, и только что опустевший вход вновь наполняется любопытными и озорными мордашками. Они тут же выскакивают и торчат колышками. Иногда, как по команде, вдруг замирают в самых неожиданных позах, смешно опершись друг на друга или выглядывая один из-за другого по-ребячьи. Но осмелев, начинают копировать своих родителей: проверяют пришельца, будет он преследовать их или нет. Один за одним пулей летят от норы к норе и, как удачно пущенный глиняный шарик, с маху исчезают в темном отверстии. Ну, а когда шалуны окончательно привыкнут к присутствию человека, убедятся в своей безопасности, удастся понаблюдать их затейливые игры, которые выражаются в стремлении научиться рыть норы. При этом они усердно расширяют вход родительского дома. Или же играют в догонялки, нередко сталкиваясь друг с другом, или же, крепко сцепившись, катятся клубком.

Но все это время они ни на миг не теряют присущей им бдительности, и можно видеть, как, подавив страсть к игре, они поминутно встают, внимательно присматриваясь и прислушиваясь ко всему окружающему. Озадаченные каким-то внутренним голосом, они, словно удивившись, стоят, растопырив передние лапки или же опершись деликатно на краешек норы. Завидная дисциплинированность! Трудно представить, как в момент азартной игры импульсивные малыши заставляют себя мгновенно умерить пыл и обратиться в глиняный торчок с живыми темными глазами. Природа научила этих животных бояться всего: и тишины, и тени, и незнакомого предмета. Все это передается наивным шалунам от родителей природой.

Страх перед окружающим становится понятным тогда, когда узнаешь, сколько у них врагов. Например, в утренние часы мы видели охотящихся за пеструшками линияющих лис. На вершинах холмов по дорогам и в тени

столбов отдыхают и выслеживают их соколы-балобаны и канюки-курганники.

У гнезда балобана с оперенными птенцами, расположенного на скале сопки Карабирюк, лежало большое количество погадок с остатками пеструшек. В годы массового размножения этих грызунов у их поселений собирается много пернатых хищников. Они пируют, отлавливая беззащитных зверьков.

Так, в середине июня, обходя цветистые глинистые останцы около горы Чакельмес, возвышающейся на северном берегу Зайсана, мы отметили около пятидесяти разных крупных пернатых хищников. Насытившись, они отдыхали на уступах в тени обрывов, фигуры их венчали вершины холмов и скал. Птицы заходили по брюхо в воду, пили, купались или просто стояли в воде, наслаждаясь прохладой. Тут же летала стайка примерно из десяти линяющих воронов. На нашем пути постоянно встречались остатки недоеденных пеструшек; их задние лапки, желудки, набитые зеленью, и брошенные целиком молодые зверьки. В одном из глинистых каньонов, около гнезда обыкновенной пустельги, устроенного в нише высокого обрыва, кроме многочисленных останков я считал двадцать семь молодых пеструшек, брошенных целиком. Некоторые из них были еще живыми.

За богатой легкодоступной добычей в пустыню залетают прекрасные ловцы мелких птиц соколоки-чеглоки. Гнездятся они на деревьях и сюда прилетали не менее чем за тридцать километров с Черного Иртыша.

Останки пеструшек нашли мы и в глинах Кини-Кириш у норы, в которой загнезвился домовый сыч. Кроме того, зоологи отмечали охотящихся за молодыми желтыми пеструшками степных хорьков, корсаков, маленького хищного зверька ласку и даже ворон и галок.

Подвижные зверьки практически активны в течение круглых суток. Однако наибольшую резвость они проявляют с рассвета и до того времени, пока не начнет при-

пекать солнце, примерно до 8—9 часов. Как я уже говорил, кормятся они весь день, стойко перенося палящее солнце. Этих зверьков можно считать настоящими детьми солнца и опаленных им пустынь и полупустынь Казахстана и Центральной Азии. С утра, с первыми солнечными лучами, они охотно греются на солнце, словно проводили его не вчера вечером, а ждали целую вечность. Потребность в тепле и свете испытывают их детеныши. Например, К. П. Прокопов наблюдал греющихся у входа в нору еще слепых пеструшек. Обычно своих детенышей на солнце выносят некоторые родители, ведущие норный образ жизни. Но желтые пеструшки и здесь представляют исключение.

В основном же пеструшки бывают деятельными в сумерках. В это время они чувствуют себя более уверенно. В этом мне удалось наглядно убедиться. Наш лагерь был разбит на берегу озера. Бросив на прогретую глину палатку, поверх нее мы расстелили свои спальники и улеглись под открытым небом, усеянным мириадами звезд. Однако нас то и дело будили какие-то «мыши», беспардонно топотящие по нашей постели, наступающие лапками на руки и лица. Их было много: порой казалось, что по палатке застучал дождь. Мало того, зверьки постоянно устраивали возню, что-то не поделив. И вот юнатка Ира толкает меня в бок:

— Смотрите, я поймала какого-то маленького зверька, в мешок забрался.

При свете фонарика мы увидели зажатого в руке девочки лупоглазого разбойника. Это был один из многих наших знакомых — детеныш желтой пеструшки. Он в недоумении выкатил и без того крупные глаза. Вид его говорил о том, что он озадачен и удивлен не менее, чем мы: кто такие, что посмели ворваться в его вотчину, да еще так бесцеременно сцапать? Зверек вел себя спокойно, лишь пучил глаза и вовсе не делал попытки вырваться. Отдавая должное его благодушному нраву, мы пре-

исполнились самых добрых чувств к такому милому и наивному зверьку.

— Ох ты, маленький, ох ты, хорошенький, куда же ты забрался! Ведь я тебя нечаянно могла и задавить.

Ира стала гладить малыша. Но, видимо, терпение пленника кончилось, и он вцепился изо всех сил в палец. Юннатка вскрикнула, махнула рукой, «миленький» звереныш шлепнулся и сразу же скрылся в темноте. Прокус оказался глубоким, ранку пришлось заливать йодом. На этом ночные визитеры не успокоились. Всю ночь и на рассвете они бегали по нашим мешкам, по лицам и головам, стучали посудой, оставленной у костра. Замечено, что в годы массового размножения зверьки смеются до такой степени, когда поступки называют уже не смелыми, а нахальными. Вот, что написал в своих материалах наблюдений К. П. Прокопов: «Чабаны рассказывали, что эти, неизвестные им зверьки, поедали в юртах мясо, баурсаки, хлеб. Были случаи, когда они вырывали у спящих людей волосы, кусали детей»¹.

Очень любопытна одна деталь поведения пеструшек в разные годы численности. Создается такое впечатление, что зверьки будто бы «знают», что, скажем, они многочисленны в этом году, а другом — крайне редки. Исходя из этого, ведут себя соответственно. Так, в годы, когда их остается совсем немного, когда жизнь той или иной колонии буквально повисает на волоске, оборвись она, и вид на данной территории вымрет, пеструшки, оставшиеся в живых, ведут себя крайне осторожно. Они не ловятся в ловушки, умело избегают их, потревоженные человеком, сразу же оставляют норы и переселяются на другие участки. Очень осторожными бывают беременные самки. Заметив человека, они позволяли наблюдать себя только с большого расстояния в бинокль, что совер-

¹ Прокопов К. П. Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, «Наука», с. 40.

шенно не вяжется с представлением о их поведении в годы массового размножения.

С наступлением холодов пеструшки углубляются и утепляют свои зимние норы, но в спячку не впадают и по возможности зимние поселения устраивают поблизости от зарослей чия, чингила или саксаульника, где зимой больше скапливается снега. В снежных наметах зверьки проделывают целую систему ходов-лабиринтов, по которым следуют к местам кормежки. Плотный и высокий снежный покров оберегает зимующих зверьков от пронизывающих ветров, препятствует промерзанию почвы и нор, скрывает от глаз хищников. Условия зимовки, как считают специалисты,— главное, что влияет на их численность. С повышением влажности в норах в зимнее время пеструшки приступают к их очистке. Выгребами они забивают снежные ходы. Весной среди оттаявших песков видны их выбросы, спрессованные в виде «колбасковидных тел».

Как только начнутся первые оттепели, зверьки переселяются на сухие, хорошо прогреваемые участки. На новом месте переселенцы роют новые норы, и здесь у них появляется раннее потомство. Как видно, пеструшки не консервативны по отношению к своим жилищам, а напротив, они вечные кочевники: все время перемещаются, расселяются, что, естественно, наряду с высокой плодовитостью, и определяет быстрое распространение их на местности. Кроме примеров быстрого расселения их в последние годы в Зайсанской котловине, известно, что в 1946—1947 годах в Центральной Азии пеструшки за несколько месяцев расселились не на десятки, а на сотни километров.

И несмотря на такую способность, желтая пеструшка под угрозой вымирания. Это с ней уже случалось. Около ста лет назад она считалась исчезнувшей из фауны нашей страны. Появление ее в Зайсанской котловине определено связано с расселением из пограничной части

Джунгарии, где она встречалась в 1947 году. В настоящее время, ориентируясь на лето 1978 года, зверек стал одним из многочисленных животных котловины, ее северной части. Однако, это вовсе пока не означает, что мы уже должны исключить его из списка редких и исчезающих животных республики. История этого вида прекрасно показала, что один-два неблагоприятных для нее года, и пеструшка может оказаться опять на грани исчезновения. Поэтому животное занесено в Красную книгу Казахской ССР.

Помимо чисто научного интереса, этот слабо изученный вид нашей фауны в годы массового размножения играет большую роль в питании хищных животных.

Все живое на Земле связано друг с другом неразрывной цепью. Растения и животные не обособлены, они образуют сообщества — фитоценозы, зооценозы, — которые в свою очередь входят в состав биогеоценозов, а каждый биогеоценоз существует, как всякий живой организм, благодаря обмену веществ. Этот обмен осуществляется через питание, путем построения «цепей питания», когда жизнь одних животных и растений зависит от явлений, на первый взгляд, не имеющих к ним совершенно никакого отношения.

Так, героиня нашего очерка, желтая пеструшка, поедает пустынные травы, на желтую пеструшку охотятся степные кошки, хорьки-перевязки, корсаки, лисы, орлы, крупные совы. И вот готова цепь питания: пустынные растения — желтые пеструшки — хищные звери и птицы. В данном случае цепь питания трехзвенная, но бывают четырехзвенные и сложнее. Принцип же их построения всегда один: везде в начале каждой цепочки — растительный корм, а в конце — крупное хищное животное, паразиты и т. д.

Построение таких цепочек основано на предположении, что организм предыдущего звена служит кормом для организма, расположенного «выше».

На самом деле все гораздо сложнее. Не всем пеструшкам суждено попасть в желудки к лисам, корсакам и другим хищникам. Они гибнут от болезней, катастроф, бескормицы. Даже те же полыни, солянки поедают не только желтые пеструшки, но и другие пустынные грызуны и копытные. Кроме цепей питания хищников, которые мы здесь привели, существуют и цепи питания паразитов. Имеются не цепочки питания, а целая трофическая сеть, включающая подчас тысячи организмов.

Но пищевая цепочка привела ученых к выводу о том, что все виды животных и растений находятся во взаимозависимости. Существование каждого из них необходимо на Земле. И маленькая желтая пеструшка может способствовать восстановлению численности редких животных, так как связана с ними цепью питания.

ПЕРНАТЫЙ
ОТШЕЛЬНИК

Все меньше и меньше остается животных, о которых было бы так мало известно, как об этой птице — бекасе-отшельнике. До последних дней эта птица оставалась одной из загадочных для орнитологов.

Добытый впервые в горах Непала, в Гималаях ученым Ходсоном в 1831 году отшельник еще более 100 лет был окружен ореолом таинственности. Обычно малоизученные птицы имеют весьма ограниченное распространение и поэтому бывают недоступными ученым многих стран. Здесь этого не скажешь — птица очень широко распространена в высокогорной системе Южной Палеоарктики: Гималаях, Памире, Тянь-Шане, Саянах, Алтае и в ряде других хребтов.

Латинское название этой птицы — *Capella solitaria*. Киргизы называют его ичкемайрак, очень интересно называют его алтайцы — тохпокьяк, название несколько созвучно его крику. Это говорит о том, что коренные жители Алтая нередко встречают его. Однако, несмотря на столь обширную область его распространения, до сих пор нам мало известны фактические сведения о его размножении или даже те места, где он отмечается в гнездовое время. Нелегко собрать научный материал о птице, редкой и нелюдимой, место жительства которой, в основном, — заоблачные высоты горных хребтов. Малодоступной делают ее не только высокогорные места обитания, но и ночной образ жизни.

Название свое отшельник получил за образ жизни. При редких встречах птицу всегда видели одну. Даже во время пролетов, когда близкородственные ему кулики образуют на местах кормежек скопления, горный дупель опять-таки держится в одиночку. Горным дупелем он зовется потому, что принадлежит к широко известному охотникам семейству куликов-бекасов, куда и входят дупеля. И то и другое названия очень метко отражают

его биологическую сущность. Очень интересно будет привести по этому поводу мнение известного русского орнитолога Н. А. Северцева: «Этот горный дупель всегда одинок, т. е. собственно встречается парами, но парами, держащимися врозь, поодаль, сажень в 150 друг от друга, почему Ходсон, нашедший его на Гималае, назвал Сколопакс солитариа...»¹

Отшельник — крупный кулик с пестрой бекасиной окраской оперения из сочетания темных и рыжевато-охристых полос, черточек и пятнышек. От родственных ему остальных бекасовидных куликов отличается не только крупными размерами, но и деталями рисунка. Например, на голове через темя, не прерываясь, проходит светлая дорожка между темных широких полос. У других птиц этого семейства она прерывается. Светлоокрашены и крайние рулевые хвоста, на них чередуются темные и светло-дымчатые полосы, и на боках у них имеется характерный полосатый рисунок. Клюв длинный, достигает семи-восьми сантиметров, по-куличиному тонкий, буровой окраски, оканчивающийся темной вершиной. Крупные глаза расположены необычно: они находятся у самого затылка, где у других «нормальных» птиц ушные отверстия. Такое расположение глаз придает этой птице несколько непривычный диковатый или удивленный вид; взгляд ее кажется несколько косящим назад, как это бывает у испуганной лошади. Не случайно так расположены глаза отшельника, это не изощренная прихоть природы. Такое расположение глаз можно объяснить тем, что во время кормежки бекас вынужден глубоко погружать в болотистую жижу клюв в поисках червячка и, вероятно, даже переднюю часть головки. Естественно, чем дальше к затылку глаза, тем удобнее добывать пропитание именно таким способом. Как видно, эволюция не просчиталась. В поисках пищи эти кулики поль-

¹ Шнитников В. Н. Птицы Семиречья. М.-Л., 1949, с. 170.

зуются в основном осязанием, а, возможно, в некоторой степени и чутьем, но мы пока об этом ничего не знаем, многое еще предстоит открыть.

Если посмотреть, как отшельник кормится, то можно согласиться, что птица отыскивает мелкую живность с помощью осязания: она тычет клювом в грязь, оставляя мелкие отверстия одно около другого, таким образом зондируя почву и время от времени натываясь на червяка, вытаскивает его и съедает.

Посмотрев на его клюв, можно увидеть на конце утолщение, покрытое кожистой оболочкой. В этом утолщении находятся тончайшие разветвления нервов, с их помощью отшельник как бы нащупывает в болотной жиже или раскисшей у снежников земле свою мелкую добычу. В устройстве клюва имеется еще одна замечательная особенность, которой приходится только удивляться: у отшельника клюв устроен таким образом, что, погрузив его в почву, птица приоткрывает самый кончик и, как щипчиками, защемляет свою жертву. И в самом деле, не будь такой приспособленности — попробуй открыть клюв, погруженный в вязкий грунт, а вот открыть самый кончик легче.

Прежде чем рассказать о тех сведениях, которые собраны о местообитании этого бекаса, прочтем о нем у известного ученого В. Н. Шнитникова — прекрасного знатока и исследователя отечественной фауны:

«Основными причинами «отшельничества» нашего бекаса являются как его сравнительная малочисленность у нас, так и обычно незначительные размеры участков тех биотопов, на которых он селится. Крошечный ключик с соответствующими клочками саза может приютить и прокормить одного бекаса, но для двух на нем уже не будет места... И бекас селится один. В нескольких сотнях шагов пробивается другой такой же ключик с таким же крошечным болотцем — на нем может устроиться подруга нашего отшельника, с которой ему нетрудно

будет встретиться, когда придет время для этого. Кажется бы, бекас-отшельник мог встречаться, хотя бы и поодиночке, но все-таки гораздо чаще, так как известно, что в горах на большой высоте ключей сколько угодно. Но дело в том, что в большинстве случаев ключи выходят на поверхность, а затем текут среди голого галечника, на котором бекас не держится уже в силу одного несоответствия своей окраски окружающей обстановке, а затем неподходящего устройства его клюва для добывания корма среди камней. Ключей же, удобных для жизни нашей птицы, на большой высоте над уровнем моря далеко не так много».¹

У других авторов мы читаем, что отшельники гнездятся по каменистым берегам горных речек, протекающих у каменистых россыпей. Или же они проходят небольшими травянистыми болотцами где-нибудь у верхнего рубежа лесной растительности. Мы находили их на Алтае у островков лиственничного или кедрового леса, выходящих к участкам нагорной тундры, или же они попадались среди зарослей карликовой березки. Однако чаще всего эти птицы поселяются по вершинам покатых гор, покрытых кедрово-лиственничным или чистым кедровым лесом. Наиболее обычными их можно считать там, где растут вразброс могучие раскидистые кедры, а среди них разбросаны замшелые валуны или стволы отмерших деревьев. Местами под прикрытием камней стоят можжевельники, барбарисы. Здесь же где-нибудь белеет снежное поле, обрамленное цветущим кольцом альпийских растений. У кромки снежника земля мягкая, раскисшая, и обычно здесь же начинаются десятки мелких ручейков, которые, сливаясь, образуют заболоченный проточный луг. Вот здесь-то и встречаются иногда отдыхающие бекасы-отшельники.

¹ Там же.

Если вдруг я вспоминаю встречи с горным дупелем, то перед глазами тотчас во всем своем величии и суровости встают дикие вершины Алтая, где я впервые и познакомился с этими интересными птицами. Погода переменчива. Только что чистое глубокое небо, озаренное ярким солнцем, внезапно скрывают лохматые серые тучи, гонимые верховым ветром. Или же небо и горы окутывает перламутровый туман, всплывающий из глубоких сырых ущелий. Все вокруг иногда надолго скрывается в беспросветном мраке. И тогда скрюченные, давно уже погибшие стволы и ветки верхних кедрочей цепляются за низкое небо, будто что-то ловят в липком тумане.

Здесь по ночам холод и сырость. Одно спасение — жаркий костер или теплый спальник в палатке. Смотришь другой раз с далекой вершины в тайгу, что черным покрывалом стелется по хребтам, и видишь где-нибудь далеко-далеко мерцающие огоньки лесной деревеньки. Не верится, что там, внизу, тепло и сухо. У дышащих снегом вершин неделями идут дожди и, кажется, что весь мир продрог и отсырел. Здесь и живет наш пернатый отщепенец — горный дупель.

Припоминаю, как подряд более недели сыпал и сыпал мелкий и холодный дождь, иногда вперемешку со снегом. Если дождь и прекращался, то совсем ненадолго, и тогда водяная пыль повисала над горами и холодным бисером росила крышу гор. В такое время нельзя без сострадания смотреть на крохотных пеночек-зарничек, которые с тоскливыми криками — «цвири-цвири» порхали среди мокрых ветвей, трясли крошечными крылышками, сушили их и суетливо собирали запрятавшихся насекомых, чтобы прокормить своих птенчиков, спрятанных в соломенных шариках-гнездышках. Красногорлый соловей, предпочитающий гнездиться в зарослях березки, завидев человека, подавал голос тревоги и тут же спешил покормиться.

Мне запомнился случай, когда в палатку с детены-

шем-мышонком в зубах забежала полевка и спрятала его тут же под уголок спальника. Потом она принесла и других. Как нам удалось узнать, норку ее стало заливать и, спасая малышей, она прибежала под защиту человека.

В длительное ненастье еще многие обитатели высокогорий бедствуют, только вот отшельникам все нипочем: у них в это время настоящий праздник, в такую непогоду они токуют еще более азартно, мало того, ночное веселье их начинается засветло и заканчивается поздно, когда уже светает. Поэтому в ненастные ночи, когда, кроме шума падающего дождя и рек, ничего не услышишь, раздаются их громкие крики, словно вышла повеселиться сама нечистая сила,— всю ночь напролет только и слышны их дьявольски зычные голоса. Даже кратковременные снегопады не портят им ночных веселий. Удивительная птица!

Время появления у мест гнездования на разных хребтах и склонах несколько разное. Объясняется это высотой снежного покрова в горах на разных склонах: на южных снег сходит скорее, на северных лежит дольше. Зависит это также и от хода весны — дружная или нет. Обычно же с первыми проталинами и вскрытием горных ручейков, что приходится в казахстанской части Алтая на конец мая — начало июня, отшельники и прилетают к тем местам, где у них будут гнезда. А до того как начнет земля освобождаться от снега, они держатся в нижних частях лесного пояса в сходных условиях: у опушек, осыпей, у снежных пятен, где имеются оголенные участки земли или растет низенькая травка, так как высокой травы они избегают. С первым же появлением у мест гнездования эти птицы сразу приступают к токованию. Здесь стоило бы вспомнить о том, что раньше натуралисты считали гнездование отшельников отдельными парами. Однако, как показали наблюдения последних лет, селятся они, напротив, в виде небольших

разрозненных колоний или, точнее, образуют довольно рыхлые поселения. Например, В. М. Зубаровским на Алтае было подсчитано на десяти — двенадцати квадратных километрах до двенадцати — пятнадцати пар отшельников. А вот в Западном Алтае, на известных мне двух лесистых буграх, находящихся примерно на расстоянии в полкилометра один от другого, токовало всего пять-шесть самцов. Кроме общественных поселений, эти бекасы живут и одиночными парами.

Вечер. В синем холодном мраке медленно чернотой наливаются тайга и вершины хребтов. Давно смолкли звучные, как флейта, вечерние голоса певчих дроздов, и лишь в темном кедраче печально свистит соловей-красношейка: «ие-ие!». От снежников тянет холодом. Шумят по щелям речки. И вдруг с отдаленной вершины раздается громкий крик: «чок-чок-ау!» Крик хрипловатый, но слышен далеко. С другой вершины отвечает такой же голос. Проходит еще несколько минут, и крик повторяется совсем рядом, вскоре же прямо над головой свистит и шипит разрезаемый птицей воздух. Один за другим взлетают горные дупеля.

Немногим натуралистам довелось слышать голос этой ночной птицы, но те, кто слышал, так или иначе пытались передать его на бумаге, что не всегда удается. Слушая свистяще-шипящие шумы отшельников во время пикирования, невольно вспоминаешь звук, который получается при выходе струи воздуха из узкого отверстия при большой компрессии и вибрации. Крик птицы очень хорошо передается в ее алтайском названии «тох-покьяк». Вот как исследователь В. М. Зубаровский описывает токование горного дупеля: «Птица издала крик до начала падения в воздухе с полусложенными крыльями и распущенным хвостом, делая резкие повороты, она дважды меняла направление падения, двигаясь таким образом по ломаной кривой. По-видимому, прерыви-

стость шума, сопровождающего падение птицы, объясняется именно поворотом, а не остановкой в воздухе...»¹

Несколько раз по ночам мне также удавалось увидеть летающего отшельника на фоне лунного диска. «Вси-си-си», — режет отшельник горный воздух, а через несколько секунд раздается его громкий, хриловатый крик, и спутать его, однажды услышав, нельзя ни с каким другим: «чок-чок-каа», иногда проще: «ка-кау, қа-кау».

И снова где-то в небе рвется и свистит рассекаемый ими воздух, снова напористый дрожащий свист умирает в дремучем спящем кедраче у горных вершин.

Отшельник очень осторожен и, видимо, поэтому он оставался таким загадочным, таким таинственным. Днем идущего человека он подпускает очень близко на каких-нибудь два-три метра, а потом, словно из-под земли, легко подскакивает вверх и стрелой уходит, скрываясь за первыми деревьями. Были случаи, когда отшельники ночью, как бы полагаясь на покровительство темноты, потеряв бдительность, садились недалеко от костра на берегу озера или у окрайка снежника. При этом они издавали циркующие звуки и едва слышное пощелкивание клювами. В момент токования самцы садились на еще оголенную у края снежника землю, где не проросла трава, и шепелявой скороговоркой взახлеб кричали: «ши-ги-жи, ши-ги-жи». Этот же крик я слышал от самцов в дневное время. Обычно они таятся где-нибудь среди валежника, кедровников, хоронятся в тени в укрытиях: улетаая, поднятые человеком, они (что бывает очень редко) вдруг начинают часто-чаево махать крыльями, ложась то на один, то на другой бок, перед тем как сесть, издают такой же крик.

¹ Зубаровский В. М. О гнездовании бекаса-отшельника (*Lallinago solitaria* Hodgs) на Алтае. «Вестник зоологии», Киев, «Наукова думка», 1976, № 1, с. 26.

Отшельник взлетает необыкновенно легко, будто поднимают его не крылья, а какая-то пружина. Эта особенность отличает его от других подобных ему куликов-бекасов и вальдшнепа. И каждый раз, если встретишь отшельника, в одно мгновение затаившаяся птица оказывается на высоте двух-трех метров и в вихляющем полете стремительно пропадает за ближайшими деревьями или за увалом. Добыть горного дупеля непросто — от стрелка требуется большое мастерство. Трудность добычи его усугубляется еще и тем, что перелетевшая птица, если вам удалось заметить, где она села, не дожидается там, а сразу же незаметно перебегает на другое место, прекрасно используя малейшие укрытия. В результате опять-таки взлетает он не отсюда, где его ждете, и совершенно неожиданно, что приводит в замешательство даже самого хладнокровного охотника, не говоря уж об азартном натуралисте...

В брачный период отшельники перестают быть отшельниками и держатся парами, но с появлением кладок отношения их, то есть самца и самки, меняются: по-видимому, самцы оставляют своих подруг, занятых насиживанием, так как встречаются они выше границы леса, около снежных пятен или по выходу из-под земли родников, образующих заболоченные лужайки, высоко в нагорных тундрах. В. М. Зубаровский, например, указывает, что самцы их держатся у гнезд тогда, когда самки приступили к насиживанию. Сейчас трудно сказать, где истина, и только дальнейшие наблюдения покажут семейные взаимоотношения этих птиц.

Первое гнездо отшельника было найдено в начале нашего века на хребте Ману-Сардык, на границе Монголии и Маньчжурии. И вот в 1961 и 1967 годах гнезда их были обнаружены на Катунском хребте Алтая, а также на Западном Алтае, в частности на Ивановском хребте. Встречал гнезда этих птиц и я. Устроены они в кедрово-лиственничном верхолесье на местах, хорошо

прогреваемых солнцем, в неглубоких ямках на мшистой или голой земле. Выстилкой для гнезд служили прошлогодние стебли злаков, осоки, павшая порыжевшая хвоя кедров, встречались в небольшом числе листочки карликовой березки и ив. А одно гнездо представляло собой зеленую горсть мха среди зарослей березки. Выстилали его всего лишь несколько листочков карликовой березки.

Яйца у бекасов-отшельников крупные, типичной куличьиной формы: с коническими заостренными передними концами и тупыми округлыми с другой стороны. Окраска их буровато-коричневая за счет густо покрывающих пятен различной конфигурации. Если смотреть на них со стороны, то они совсем неброские с виду, что скрывает их. В полной кладке бекасов бывает не более четырех яиц.

Насиживает кладку самка. Заметить сидящую птицу совершенно невозможно, если случайно человек не наткнется на гнездо. Тогда внезапно, с криком «ка-кау, ка-кау» самка взлетает и, нескладно работая крыльями, медленно летит, разбросив ноги. Отлетев метров на пятьдесят — сто, она садится. Иногда она ничем не выдает своего присутствия, иногда же издает характерный крик: «кры-цик, кры-цик».

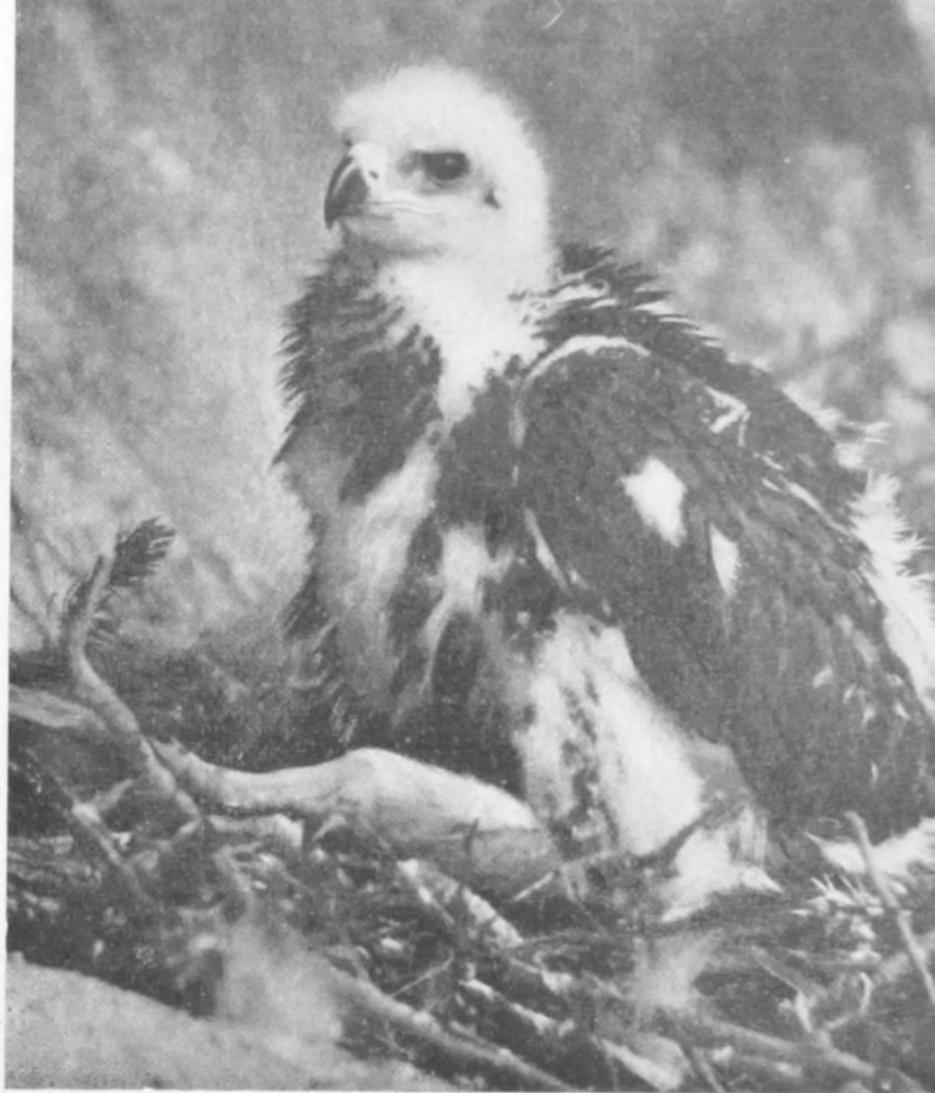
В одном из найденных мной гнезд взлетающая самка облила кладку жидким пометом. Вероятно, это адресуется незваному гостю-разорителю, чтобы отбить желание не только есть их, но и прикасаться. Возвращается к оставленному гнезду бекасиха пешком. Побеспокоенная не однажды, она бросает гнездо совсем, тогда кладки пропадают.

В то время как будущие мамы усердно согревают яйца, самцы-отшельники еще долгое время с криками и свистом бороздят ночное небо, придавая тем самым особое очарование высокогорным холодным ночам у алтайских белков.

Появление малышей приходится на середину июня — июль. Птенцы отшельника, как и других выводковых птиц, премилейшие создания. Они покрыты нежнейшим пухом рыжевато-коричневато-го цвета с темными штрихами и, можно сказать, что с большим вкусом раскрашены в темные пятнышки и полоски. Они длинноклювые, буратинообразные и, как все малыши, глазастые. Это совершенно беззлобные существа, издающие тонкий и протяжный писк: «пи-и, пи-и».

Суровые высокогорные условия с часто и резко меняющейся температурой, с обилием дождей, нередко и снега, как правило, холодные ночи требуют постоянного внимания и заботы со стороны самки. Бекасиха вынуждена не только кормить и беречь выводок от опасности, но и периодически согревать его. Каждое утро ведет она птенцов из укрытия к ручейку или снежнику, где можно найти всевозможных червячков и личинок.

Однажды мне посчастливилось встретить выводок этих куликов. В последний день июня мы пересекали крутой склон хребта Холзун. На нашем пути была неглубокая щель, забитая снегом. Ее белый язык начинался у каменистой вершины и уходил далеко вниз в пояс тайги. У верхней границы леса мы перешли снежник, узенькую полосу зеленеющей лужайки и стали протискиваться через молодой очень густой кедровник. Громадные замшелые стволы, нагроможденные местами друг на друга, делали этот лесок вообще труднопроходимым. И вдруг прямо из-под ног поднялась крупная птица, похожая на вальдшнепа. Она неожиданно упала в траву метрах в пятнадцати от нас и, как подстреленная, забилась в предсмертной агонии, обратившись в лохматый серо-рыжий ком перьев. «Умирающая» издавала циркующие звуки. Нам стало ясно, что птица отводила или от гнезда, или от птенцов. Тут же на траве лежали два рыжих комочка, величиной с только что вылупившегося цыпленка. Большими темными глазами они

По гордому взгляду и осанке видно, что родители этого птенца — беркуты (фото А. Г. Лухтанова)

По берегам горных рек и ручейков обитает бекас-отшельник (фото А. Г. Лухтанова)

Редкая находка для натуралиста — гнездо бекаса-отшельника с кладкой (фото Б. В. Щербакова)

Самец черного жаворонка — заботливый папаша (фото Б. В. Щербакова)

Вот он — неизвестный двойник —
хомячок Пржевальского (фото
К. П. Прокопова)

Трехпалый жирнохвостый тушканчик жир на зиму откладывает в
хвосте (фото А. Г. Лухтанова)

Птенец-слеток малого жаворонка — обычного обитателя Зайсанской котловины (фото *Б. В. Щербакова*)

Любопытство борется со страхом и заставляет детеныша желтой пеструшки настороженно стоять возле норки (фото *Б. В. Щербакова*)

Джунгарский хомячок (фото А. Г. Лухтанова)

Босиком по снегу шагает
птенец бекаса-отшельника
(фото Б. В. Щербакова)

В нише под скалой приютилось гнездо сокола-балобана с птенцами
(фото Б. В. Щербакова)

смотрели на нас, боясь моргнуть. Один был заметно старше другого, птенцы уже оперялись, и у старшего на крылышках перья заметно длиннее. Мы поймали их и приступили к специальным измерениям. Птенцы тонко пищали. Услышав их голоса, самка взлетела на ближайшую колодину, начала истерично биться и кричать и тут же упала в траву. Мой постоянный спутник Коля кинулся за ней, но я вовремя сумел его остановить. А птица кувыркалась и постепенно приближалась к нам, казалось, сделай несколько шагов — и бери ее руками. Соблазн поймать ее был велик. Пока мы измеряли, взвешивали, фотографировали и кольцевали птенчиков, прошло не менее пяти минут. За это время, убедившись, что мы не намерены гоняться за ней, самка вдруг перестала изображать «умирающую», встала, вытянула шею, вспорхнула и исчезла в кедраче. Однако, через минуту-другую она неожиданно взлетела в двух-трех шагах от нас. Так повторялось несколько раз, пока мы не отпустили птенцов.

Бекасихи очень привязаны к своему потомству и способны ради него на жертву. Очень интересно об этом рассказывает орнитолог А. Г. Деревщikov, встретивший их выводок на хребте Чихачева (Алтай):

«При нашем приближении к птенцу мать пыталась отвести нас от него, издавая при взлетах тревожный крик, очень похожий на короткое трещание сороки. Когда же птенец был оставлен нами на месте, она полетела к нему и несколько раз прикоснулась клювом, тихо при этом побряхтывая»¹.

В возрасте одного месяца молодые становятся летными, но еще некоторое время продолжают держаться с родителями. Но уже в середине августа выводки их

¹ Деревщikov А. Г. К вопросу о горном дупеле на Алтае.— В кн.: Природа и природные ресурсы Горного Алтая, Горно-Алтайск, 1971, с. 269.

распадаются, и бекасы с этого времени становятся настоящими отшельниками. Кормящихся одиночных птиц теперь можно встретить около высокогорных озерков, по ручьям и болотцам. Молодые по отношению к человеку держатся осторожно, так что добыть их сложно. Даже на голом каменистом берегу бекас умеет прекрасно затаиваться, пестрая окраска из серо-рыжих тонов, видимо, пригодна в самой различной среде, знаешь, где затаился, а его не видно. И, как обычно, он стремительно подскакивает в воздух и, пока опомнишься, с криком «кхак — кхак», похожим на крик других бекасных птиц, он, вихляя, уходит к соседнему озерку или, отлетев на двести — триста метров, опять садится. В таких случаях можно полдня потерять, преследуя его, и бекас каждый раз взлетает неожиданно и обычно не там, где его ищешь.

С первыми заморозками, как только по ночам водоемы начинают покрываться стеклами льда, а вершины гор сверкают ослепительным снегом, горные дупеля оставляют свою вотчину и спускаются в нижние пояса гор. Но и в это время встречать их приходится очень редко, поэтому появление птиц остается незамеченным. В сентябре, с началом листопада, большая часть наших куликов в стремительных перелетах достигает берегов южных морей и озер. Только наш отшельник заблудшим отщепенцем странствует по берегам безлюдных речек.

В свои мальчишеские годы, помню, я был очень озадачен, встретив в январские морозы на Иртыше у Усть-Каменогорска этого кулика. Он держался вместе с кряквой в небольшой полынье под ледяным карнизом. Вообще кулик предпочитает теплые разливы и появляется в наших краях только после вскрытия рек, и вдруг — зимой. Это было столь же неожиданно для меня, как если бы я встретил распустившуюся на снегу розу. Мало того, орнитологам известно, что отшельники не только

остаются на зиму, но вопреки инстинкту, с наступлением зимы отлетают и откочевывают не к югу, а — к северу, продвигаясь вдоль рек. Очень загадочно поведение этого кулика.

Зимующие отшельники подыскивают незамерзающие участки рек и ручьев и на них кормятся, а иногда держатся всю зиму. Здесь они недосыгаемы для пернатых и четвероногих хищников. На день забиваются в ледовые ниши: там в тридцати-сорокаградусные морозы теплее от парящей воды и главное — есть пища.

Судя по литературным данным, в предгорьях Тянь-Шаня отшельники зимуют в большем количестве, чем на реках Восточного Казахстана, где они найдены на гнездовании. И надо думать, что встречи их в предгорьях Тянь-Шаня и дали повод орнитологам считать, что этот бекас гнездится там. В основном этой горной системе, видимо, он чужд, хотя и имеются сведения, когда исследователи слышали здесь крик их в гнездовое время. Однако пока факт этот единичный и, несомненно, предположение о его гнездовании нуждается в дополнительных фактических подтверждениях.

Интересно добывание пищи отшельниками зимой: они держатся на мелководных незамерзающих участках ручьев или рек, особенно там, где находится незамерзающая вечнозеленая травка. Например, в казахстанской части Алтая — вероника Бунга, на листочках и стеблях которой имеются различные беспозвоночные. Отшельники достают их стебли, раскладывают на льду или по камешкам и выбирают живность. Также поступают и их зимние соседи — оляпки. «Столовые» этих птиц узнаются по травяным валикам, собранным на льду. По таким вот полыньям, где кормятся бекасы, охотники ставят капканы на выдр, и нередко в них попадают и птицы.

В силу слабой изученности, редкости этого кулика орнитологи относят его к редким видам птиц нашей

фауны. Остается неясным, почему же этот скрытый и труднодоступный кулик, к тому же очень осторожный, является редким видом? Может быть, в этом таится какая-нибудь злая историческая причина, то есть виновата сама природа, создавшая определенные противоречия между видом и условиями, в которых он сейчас оказался? Даже косвенное влияние человека на популяции отшельника маловероятно, поэтому, естественно, загадка в другом. Есть же в настоящее время птицы и, в частности кулики, которые по непонятным ученым причинам являются редкими, к ним относятся серпоклюв, охотский улит, кроншнеп-малютка, азиатский бекасовидный веретенник и другие. Необходимым условием для охраны подобных птиц является глубокое изучение их биологии и разработка научно обоснованных мер для сохранения хотя бы отдельных популяций. Кроме того, необходима пропаганда среди широких кругов населения их охраны.

**ПОЗАБЫТЫЙ
ОХОТНИК**

Человек всегда восхищался хищными птицами, их красотой, смелостью, силой их свободного полета и скоростью, которая самому ему была недоступна. Не случайно, на многочисленных гербах, государственных и городских эмблемах изображены в основном хищные птицы. Самый крупный из них — орел-беркут — символ мужества и отваги. Сокол олицетворяет собой изящество и красоту: в народе всегда называют его ясным соколом. Привлекал человека сокол своими ловчими способностями. Охота с соколом в древности и во времена средневековья была одним из любимейших развлечений монархов и магнатов. Даже для женщин в то время специально дрессировали соколов мелких видов.

Древние египтяне окружили соколиных птиц особым почитанием: в гробницы-пирамиды фараонов вместе с властелином клали мумифицированных соколов.

Охота с ловчими соколами очень самобытна. Она, как никакой другой вид охоты, волнует сердце охотника. Интересные сведения о соколиной охоте находим у знаменитого немецкого натуралиста А. Брема: в 1270 году Дмитрий, вероятно врач греческого короля Михаила Палеолога, написал книгу, посвященную соколиной охоте, которая увидела свет лишь в 1612 году в Париже. Эдуард III — английский король — за воровство ястреба (имеется в виду ловчая хищная птица) узаконил в своем королевстве смертную казнь, а за разорение гнезда на один год и один день заключал виновного в тюрьму.

О роскошных охотах хана Кублая в 1290 году в своих дневниках писал знаменитый путешественник Марко Поло: «Хан Кублай обыкновенно уезжает из Камбалу; он берет тогда с собой около 10 000 сокольников и ловцов. Эти последние разъезжают по стране группами в 200—300 человек и все, что ими убивалось, должно было доставляться хану. При своей персоне хан имеет еще

особую свиту из 10 000 человек, из которых каждый имеет свисток. Когда хан охотится, они становятся в некотором отдалении друг от друга, образуя вокруг хана обширный круг, следят за выпускаемыми им соколами, ловят их и подвозят к хану обратно. Всякий сокол, принадлежащий хану или какому-либо высокому сановнику, имеет на своей ноге серебряную бляху с вырезанным на ней именем владельца сокола и сокольникшего. Существует даже особый чиновник, в руки которому сдаются те сокола, владельцы которых сразу не находятся. Во время охоты хан ездит на слоне и всегда имеет при себе 12 лучших соколов»¹.

О соколиной охоте совместно с борзыми писал в своих очерках о Персии в 1827 году Джон Мальком:

«Охота ведется так, на лошади с соколами и борзыми. Если где-нибудь вспугнут антилопу, за ней гонятся с быстротой ветра. Собак и соколов спускают совершенно. Последние летят над землей и быстро достигают добычу, бросаются на ее голову и задерживают дичь на месте; в это время подспевают собаки и вцепляются в свою добычу»².

Ловчие соколы способны нападать и задерживать коз, газелей и других крупных копытных животных. Обычно же балобаны приучаются к охоте на пернатую дичь: голубей, фазанов, гусей, журавлей и даже на таких крупных птиц, как дрофа. Известны охоты с соколом, когда за один выезд охотник добывал до 30 зайцев. Большую популярность эта охота приобрела во времена моды на эгретки из перьев белых цапель среди представительниц «слабого пола». Цапель отлавливали с помощью балобанов и довольно успешно. Вот как об этом писал А. Брем: «Припадении на цапель соколы обыкновенно взвиваются высоко в воздух и оттуда сверху стремглав

¹ Брем А. Э. Жизнь животных. С.-П., 1894, т. VI, с. 229.

² Там же, с. 232—233.

несутся на добычу; с своей стороны цапля также всегда старается взлететь еще выше и с изумительной быстротой протягивает по направлению к несущемуся врагу острый конец своего клюва с целью проткнуть противника. Наконец, сокол схватывается с цаплей и оба падают с высоты вниз. Быстро поспевающие охотники сейчас же освобождают сокола, дают ему в награду хороший кусок мяса и лишают цаплю ее наиболее красивых перьев. После этого на ногу цапли надевается металлическое кольцо... и отпускают (ее) на свободу»¹.

Иногда соколов натравливали на людей. Так, например, в литературе имеются сведения о том, что в древней Персии соколов-балобанов дрессировали специально для этой цели. Птицы нападали на людей и выклевывали у них глаза.

Балобан как ловчая птица применялся в охоте на самых различных животных. И не случайно, что арабские сокольники отдают предпочтение именно балобану в его охотничьих преимуществах даже в сравнении со знаменитым сапсаном. Они считали, что ловчий балобан летает быстрее сапсана, «движет быстро и мощно своими крыльями, настигает даже быстро летающих птиц».

Балобан как один из наиболее широко распространенных соколов Южной Азии чаще остальных используется в качестве ловчей птицы у азиатских народов. Так, например А. К. Рустамов, характеризуя места обитания балобана в Туркмении, считает его настоящим «пустынным» соколом. Вот что этот ученый рассказывает об известных ему сведениях о методах воспитания и дрессировки ловчих соколов. Для охоты ловят взрослых птиц осенью или зимой. До этого охотники подыскивают места охотничьих участков или мест отдыха балобанов. После чего на заметном месте расчищается небольшая площадка и на ней устраивается небольшой помост, на который

¹ Там же, с. 232.

садят в качестве приманки голубя или курицу. С четырех сторон помоста втыкаются, примерно, метровые прутья, к которым вяжут крупноячеистую сеть. Нападающий на подсаженную добычу сокол попадает в сеть. Также широко практиковали отлов их капканами, предварительно обмотав дужки его мягким материалом. Однако наиболее распространенным способом было выкармливание молодых и их дрессировка.

Под осень, когда молодые окрепнут, их обучают охоте. Наступает самый ответственный день: испытывают способности молодого пернатого охотника, а также проверяется искусство и терпение самого охотника. От хорошей дрессировки сокола становятся хорошими ловчими птицами. Но бывает и так, что во время обучения часть их улетает совсем. Статистика здесь такова, что из десяти молодых, выкормленных человеком, улетает два-три, а из пойманных взрослыми — пять-шесть.

Способы обучения соколов для охоты на птиц и зверей различны у сокольников разных народностей. Мы специально не касаемся темы о самобытной «соколиной науке», однако известно, каков бы способ ни был, он требует не только много труда и времени, но и знаний о повадках и наклонностях этих птиц. Полноценными ловчими соколами молодые балобаны становятся лишь к годовалому возрасту. Обучение пойманных взрослыми длится всего десять — двадцать дней, однако приучить сокола, знающего свободу, гораздо труднее, и поэтому половина их, как правило, улетает от сокольника. Но известно, что ловчие качества этих птиц выше, чем у выкорышей.

Цена ловчих соколов была очень высокой. Например, за хорошо выдрессированного ловчего балобана выменивали лучшего арабского скакуна, а в Туркмении — хорошего верблюда вместе с дорогим седлом. Очень интересные исторические события, связанные с высокой ценностью ловчих птиц, имеются в литературе: в 1396

году в битве под Никополем в плену оказался герцог Неверский и множество французских рыцарей. За них были предложены выкупы, но Баязет отверг всякие выкупы. Но, когда вместо денег были предложены посланные герцогом Бургундским двенадцать белых кречетов, то он тотчас же освободил за них герцога и всех пленных французов.

У киргизов, у которых, по словам Нозера, соколиная охота возведена в степень настоящей науки, где соколами пользуются для мелкой дичи, а орлами — для крупной, испытанный сокол так высоко ценится, что владелец его скорее решится продать свою жену, нежели сокола. Для охоты на газелей годен только балобан, так как остальные благородные соколы большею частью кидаются с такой силой, что разбиваются до смерти, переломив себе грудную кость. Поэтому-то за хорошо выдрессированных балобанов и платят необыкновенно большие деньги.

Эта птица строго охранялась в разных государствах и старинных княжествах: за разорение соколиного гнезда взымались крупные штрафы, а за убийство самой птицы, например, в Англии виновник карался смертной казнью. Однако уже в начале XVIII века соколиная охота постепенно стала выходить из моды. И спустя еще столетие все хищные птицы были объявлены злом. Рьяные охотники и «блюстители» охраны промысловой фауны вдруг дружно пришли к выводу, что от хищных птиц в природе никакого проку, а только вред. «Питаются они нужной для человека дичью, если хищных птиц много, значит, они много истребляют птиц и зверей, нужных для человека. Отстрелять хищников — значит спасти уток, куропаток и зайцев, что, несомненно, сделает охоту более удачливой», — вот так примерно, выглядела примитивная логика несведущих в биологии дилетантов спасения промысловой фауны.

От слов перешли к делу. Вооруженный совершенным оружием человек повел активную борьбу против своих

«конкурентов». И это не единственный в своем роде пример, когда люди вмешиваются в судьбы животных с позиции «полезности» и «вредности». Так началось истребление тех, у кого загнутый клюв и когтистые лапы. Хищные птицы были приравнены к пресловутому волку и на основании этого бескомпромиссно истреблялись многочисленной армией охотников и разного рода любителей «просто» пострелять по живой мишени. Мало того, за лапы хищников, не взирая на то, к какому виду они принадлежат — соколу ли, орлу ли или же канюку и луню, — в порядке вознаграждения выдавались охотничьи припасы — только стреляй. И время показало, что кампания по истреблению пернатых хищников сделала свое черное дело. Только в 1962 году, по сведениям писателя-натуралиста И. А. Акимушкина, в нашей стране было уничтожено (это только учтенных) 1154700 «вредных» птиц.

К сожалению, еще и сейчас, когда закон встал на сторону этих животных, по инерции их добывают горе-охотники. Потери их еще остаются большими. Вот что о бесцельном истреблении этих птиц пишет московский ученый В. Е. Флинт:

«Как-то мне пришлось стать свидетелем одной печальной картины. Вдоль дороги в степи тянулась линия телеграфных столбов и почти под каждым десятым столбом останки орла... Почему, зачем их убили? Ответ получил от шофера: «Просто так, сидит на столбе — ну, как ружья не попробовать!»¹.

В наше время смело можно сказать, что ушла в предание старины «соколиная охота». Соколы как ловчие птицы перестали интересовать всех, кроме орнитологов, исследования которых убедительно показали, что хищные птицы представляют истинную ценность в природе, в

¹ Акимушкин И. «Мир животных». М., «Молодая гвардия», 1973, с. 141.

сложной системе всевозможных биологических взаимосвязей. Оказалось как раз напротив: деятельность хищных птиц не вредит фауне промысловых зверей и птиц, но даже «оздоравливает» ее. Они санитары и истребители по-настоящему вредных животных, например, мышевидных грызунов, вредящих сельскому хозяйству. Что же касается охоты их за промысловыми зверями и птицами, то, истребляя отдельных слабых животных, они тем самым сохраняют вид в целом. Только в этом надо было разобраться путем детального изучения биологии пернатых хищников.

Узаконенное преследование этих прекрасных птиц прекратили. Но еще и сейчас трудно остановить силу инерции сложившихся мнений, что они вредные животные и поэтому еще не редкость, что птицы гибнут от рук разного рода браконьеров — так называемых «защитников природы». В результате численность некоторых из орлов, например, в Казахстане оказалась ничтожной. Почти все крупные пернатые хищники занесены в Красную книгу СССР, Красную книгу КазССР.

На земном шаре насчитывается около двухсот восьмидесяти видов дневных хищных птиц. Из них пятьдесят восемь — шестьдесят приходится на соколов, принадлежащих к этому отряду. В СССР встречается всего десять видов. Самые крупные из них кречет, сапсан, балобан и шахин.

Балобан — *Falco cherrug* — один из наиболее широко распространенных и многочисленных (относительно, конечно) соколов в нашей стране. Он часто встречается и в нашей республике. Это обитатель сухих горных отрогов низкогорной части Казахстана, выходящей в равнинные пространства.

Гнездится балобан в сухих каменистых горах, бедных или даже вовсе лишенных лесной растительности, а также по небольшим перелескам, приуроченным к широким холмистым долинам или же поймам рек. В небольшом

количестве этот сокол найден в условиях высокогорий, где поднимается до трех тысяч метров над уровнем моря. Но и здесь он селится только там, где отсутствуют сплошные леса, или же деревья стоят отдельными группами среди открытых мест или по скалистым останцам альпийского пояса. Его гнезда найдены в равнинной части Зайсанской котловины. Здесь он селится по останцам так называемых «скифских глин» и на скалах невысоких сопок, как например Карабирюк.

По своим размерам балобан уступает только кречету. Он крупнее сапсана. Как и у остальных соколов, у балобана плотный «дутый» торс и относительно длинные острые крылья. От сапсана он отличается рыжими тонами окраски оперения, но она очень изменчива. Так, например, по сведениям одного из лучших знатоков соколиных птиц нашей страны Г. П. Дементьева¹, окраска балобанов и размеры отличны у птиц, населяющих разные географические пункты: в западной части ареала балобаны имеют резко выраженный поперечный рисунок спины, напротив, на востоке — поперечный рисунок птиц развит слабо. В горах Монголии, на Алтае и Саянах встречаются соколы «почти белой окраски на брюшной стороне и рыже-бурой с поперечным рисунком — на спинной». Очень интересно по этому поводу было написано в письме Аквилы, Симмаха и Теодотиона египетскому царю Птолемею, известном по рукописям XII—XIII веков. В письме говорится, что соколы бывают трех мастей: черной, белой, красной. Надо полагать, что имеются в виду не чисто окрашенные в эти цвета птицы, а всего лишь это их цветовые вариации, в которых преобладает тот или иной тон окраски. Казахские и киргизские охотники

¹ Дементьев Г. П. О монгольских балобанах и о тагесономическом положении алтайского кречета.— В кн.: Исследования по фауне Советского Союза (Птицы). М., 1965, с. 27—30.

также различают балобанов по мастям: темно-бурые — шумкар и рыжие — ительги.

На спине и крыльях балобанов покровное перо имеет светло-охристые каемки, в результате общая окраска этих частей тела образует очень красивый своеобразный рисунок, свойственный только крупным соколам. Нижняя часть тела у них окрашена в светло-охристые тона, и темные продольные пестрины образуют также своеобразный рисунок. Короткий крепкий клюв рогово-сероватого цвета. Лапы сильные, с коротковатыми пальцами и темными загнутыми когтями, зеленоватые с восковым оттенком. У молодых лапы и голые кольца вокруг больших темных глаз голубовато-серые, что делает их весьма красивыми. У птенцов более темная окраска оперения, чем у взрослых. Иногда в гнездах встречаются очень темные по цвету соколята.

У балобанов, как и у других дневных хищников, представительницы «слабого пола» в размерах, весе и силе превосходят «сильный пол». Встречаются иногда пары, у которых самцы почти на одну треть в размере и весе уступают самкам. Если судить с биологической точки зрения эта «несправедливость» оправдана: небольшие размеры отцов семейств позволяют им успешнее охотиться за мелкими видами животных и снабжать пищей молодых. Самка же при своих габаритах может отложить более крупные яйца и лучше согреть их, что нелегко: яйца соколов крупные и бывает их у балобанов от трех до шести. Надо полагать, что более крупная хищная птица, сохраняя гнездо, лучше защитит свое потомство. Да и не каждый рискнет напасть, так как охраняет гнездо когтистая крупная соколиха.

Ежегодно, возвращаясь с мест зимовок, в конце марта — начале апреля балобаны определяют свои гнездовые территории и вскоре же приступают к брачным играм. Во время воздушных игр обе птицы поднимаются высоко, самец кругами следует за самкой и, полусложив

крылья, время от времени бросается за ней, когда она стремительно пикирует. Затем одновременно и слаженно, словно переломив траекторию линии падения, птицы взмывают вверх. Во время воздушных пируэтов можно любоваться сложным скоростным пилотажем соколиной пары. Иногда же, словно огибая невидимые сложные препятствия, они лавируют, то поднимаясь высоко, то прижимаясь к скалам. Самец выходит в пики и, падая на самку, развивает такую скорость, что перья хвоста и крыльев у него начинают гудеть. Затем самец и самка встречными кругами медленно, как бы наслаждаясь полетом, уходят высоко в небо, так что становятся едва заметными. Совершая воздушные трюки, балобаны играют молча, лишь изредка раздаются их отрывистые крики. Как правило, играющие пары придерживаются какого-нибудь одного места или даже скалы или обрыва, то «отскакивая» от них вверх, то прижимаясь к ним на такое близкое расстояние, что приходится огибать все их выступы, чудом не касаясь крыльями.

Гнезда свои они помещают в безлесной местности, прямо на уступах скал или на глинистых останцах, которые обычно выходят к широким падям или равнинам. И, естественно, с этих возвышенностей для них открывается широкий обзор, позволяющий им, сидя на скале, высматривать на большом расстоянии свою жертву и совершать отсюда стремительные налеты. Они, например, постоянно гнездятся на глиняных останцах Зайсанской котловины. Здесь их окружает ровная полупустыня, населенная краснощеками сусликами, желтыми пеструшками и мелкими мышевидными грызунами.

По части устройства гнезд соколы не отличаются старанием и прилежностью. Гнезда их — рыхлые сооружения из палок и прутьев, найденных недалеко от гнезда. Чаще всего это бывают ветки кустарников — спиреи, жимолости или саксаула, корни анабазисов, солянок. Однако для устройства гнезда соколы, как правило, очень

удачно подбирают ниши или уступы, невысокие, но труднодоступные для четвероногого хищника и человека. Это карнизы под нависающей скалой или же выпирающие уступы, закрытые сбоку или сверху. Добраться до них нелегко, и без веревки не обойтись. Но и это правило не без исключения: в лесистой местности балобаны занимают грачиные или вороньи гнезда, когда законные хозяева прогоняются ими. Сама по себе гнездовая постройка этих соколов плоская. П. П. Сушкин в гнезде их находил бараньи ребра и обрывки волосяной веревки. Материал этот, по-видимому, собран был в это гнездо другой птицей.

Гнезда балобанов на скалах довольно легко узнаются издали по белому помету, словно скалу кто-то неаккуратно побелил, и теперь она стала далеко заметной.

Как уже говорилось, в гнезде у балобанов бывает три — пять, реже шесть яиц. Яйца округлые, окрашенные в густо-рыжевато-коричневые пятна, сплошь покрывающие скорлупу. Как правило, последнее яйцо у них оказывается неоплодотворенным — болтуном. По мнению О. Хейнрота и Г. П. Деменьева, у балобанов насиживает кладку в основном самка. Самец же приносит пищу и лишь иногда ненадолго подменяет на гнезде самку. Но наблюдения, проведенные казахстанскими орнитологами, показали, что и самец и самка в одинаковой мере принимают участие в насиживании, лишь с той разницей, что самка в гнезде проводит гораздо больше времени. С появлением птенцов самец занимается только охотой, самка же принимает жертву, разрывает ее на мелкие кусочки и кормит соколят.

Птенцы вылупляются зрячими. Одетые в плотный белый пух, они походят на живые шарики одуванчиков. Вскоре же птенцы обретают способность приподниматься во время еды на плюсну, на которой у них заметны утолщенные мозолевидные образования. Как только у молодых на теле пробьются перья, птенцы становятся

способными сами разделяться с мелкой добычей. Они хватают ее лапами, отходят тут же на край гнезда и, закрыв добычу крыльями, тем самым отгородившись от братьев, чтобы не отняли, рвут ее на куски и тут же глотают.

В годы неурожайные на грызунов принесенная родителями в гнездо добыча постоянно достается лишь старшим и более сильным птенцам. В результате младшие слабеют и вскоре же становятся жертвой старших. В семье господствует волчий закон: кто сильнее, тот и урвет. Кто слабее, тому — что останется или вовсе ничего. Но при достатке пищи все молодые развиваются нормально. Канибализм среди птенцов многих хищных птиц — явление обычное.

Как только птенцы подрастут и окрепнут, родители их с рассвета и до темноты промышляют, чтобы прокормить прожорливое семейство. Отмечены случаи, когда взрослые даже не садятся на гнездо с добычей, а бросают ее с воздуха.

Балобаны внимательные друг к другу супруги, и большая родительская любовь связывает их с птенцами. Вот как о них пишет ученый-орнитолог М. Н. Корелов:

«...она сидит на гнезде очень плотно и слетает с него только тогда, когда человек начинает взбираться на дерево. Во время насиживания самец кормит самку. Заметив приближающегося самца с добычей, самка протяжно кричит и часто вылетает к нему навстречу. Иногда самец передает пищу самке на скале. Если же самка не слетает, самец несет пищу в гнездо. Накормив самку и позже птенцов, самец иногда в середине дня взлетает и, кружась над гнездом, взвивается очень высоко. С появлением птенцов изредка к нему присоединяется и самка. Птицы возвращаются к гнезду лишь через час — полтора. После вечерней охоты, перед закатом солнца самец усаживается на свое постоянное место и там сидит, отдыхая и наблюдая за гнездом; в это время он очень

эффектен и кажется белым изваянием в лучах заходящего солнца»¹.

Взрослые соколы яростно защищают свои гнезда и при появлении беркутов или бородача-ягнятника набрасываются на этих хищников и быстро прогоняют их из своих владений. С появлением человека ведут себя очень осторожно. Иной раз трудно вообще увидеть родителей у гнезда. Так, однажды, находясь у гнезда с птенцами, я, наконец, дождался прилета одного из родителей, но сокол издал, пролетая, резкий крик — «ка-га-ак» — и в течение последующих полутора часов не показывался. Другой раз я узнал только по поведению обыкновенной горлицы, что сокол ходит высоко кругами над местом гнездования. Эта птица буквально окаменела на верхушке скалы и подпустила меня метра на четыре. Тут я обратил внимание, что она постоянно косо поглядывает вверх, где летал балобан. Панический страх сковал ее, и поэтому она так близко меня подпустила.

Как только птенцы оперятся, их можно видеть сидящими на краю уступа или гнезда. Здесь они стараются первыми встретить родителя с добычей и перехватить ее. Подростки птенцы очень пугливы, увидев человека, они замирают порой в самых неестественных позах, либо забиваются в расселину, или же прячут друг под друга головы, считая при этом, что они находятся в безопасности. Иногда молодые поднимают громкий отчаянный крик. Когда человек подходит вплотную к гнезду, они, словно парализованные, замирают, и только широко раскрытые от жары клювы и глаза «делают» их живыми, сами же они долгое время неподвижно сидят в самых неудобных позах. Чтобы основательно убедиться, что перед вами сильные и дерзкие хищники, достаточно забраться в гнездо: казалось бы, безобидные с виду,

¹ Корелов М. Н. Птицы Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1962. т. II, с. 504—505.

птенцы могут по-своему постоять за себя — они опрокидываются на спину, злобно шипят и норовят вцепиться лапой в вашу руку. Если им это удастся, то разжать лапу в смертельной схватке — дело непростое. В таком случае выход один: набросить что-либо на голову птенцу, таким образом ослепив его, и лишь потом следует осторожно разжимать «железные» пальцы.

На всю жизнь мне запомнился случай, как обуреваемый желанием взять из гнезда соколенка и воспитать его дома, я схватил его. В тот же миг обе лапы впились в мою руку и ни на миллиметр не разжались, пока я со странной ношей, закусив губу, почти свалился с дерева, на котором было гнездо. Боль ужасная, по руке и лапам течет кровь, и, словно пресекая мои попытки разжать пальцы, птица сильнее сжимает их. Хоть кричи. Но вот, сняв рубаху, я накинул ее на голову своему пленнику и освободил руку от железной хватки.

Взятые из гнезда птенцы еще долгое время дичатся, не в пример своим родственникам: дядюшке-беркуту или племяннице-пустельге, которые быстро и хорошо привыкают. Мало того, уже будучи почти ручными, эти соколята не упускают случая, в порядке обмена любезностями со своим хозяином, прочертить глубокую рваную царапину на его руке. Опасна молодежь и тем, что в некоторых случаях крепко когтит руку и может повредить кровеносные сосуды.

И все-таки содержание двух молодых балобанов дома доставляло мне огромное удовольствие. Сытые соколы, как котята-шалуны (содержались они в разное время), ловко хватали валяющиеся во дворе камешки и палки или порывисто срывались, легко взлетали и, сделав круг — два, садились где-нибудь около дома. Однако, как закон, каждый раз после тренировочных полетов они заметно становились менее доверчивыми и нехотя шли на руку. С каждым таким полетом в них все настойчивее пробуждалось стремление к настоящей свободе, и чем

чаще я их отпускал, тем дичее они становились. Порой казалось, что соколята никогда не вернутся домой.

Известно, что, особенно хищные животные, вскормленные человеком, оказываются совершенно неприспособленными прокормиться, как только они окажутся на свободе. Как правило, они обречены на гибель. Однако, выкормив двух балобанов, я убедился, что правило это не без исключения. Инстинкт хищника в них развивается как бы самостоятельно, даже без научения со стороны родителей.

Так, решено было одного из воспитанных мной соколов — Чику — обучить «соколиной охоте». Для наших практических занятий в качестве приманки я взял старое чучело сизаря. Посадил его, примерно, в пятнадцать метрах от проголодавшегося Чики. К чучелу привязал нитку, с ее помощью чучело должно было двигаться. Как же будет молодой сокол реагировать на классическую жертву своих диких родичей? Все готово. Я тяну нитку, голубь «оживает» и вроде бы даже клюет, а затем начинает ползти. Сокол раза два кивнул головой, вглядываясь, и внезапно бросился. С лету он так хватил сизаря, что голова его оказалась в когтях, а из обезглавленного туловища предательски торчала палка. Признаться, такого неожиданного броска я не ожидал. Я не мог поверить, что этот самый молодой балобан две недели тому назад, совершая круг над Иртышом, оказался атакованным группой речных крачек. С трескучими криками одна за другой они дерзко пикировали на оробевшего Чику, а затем, полностью убедившись в его безобидности и некоторой беспомощности, стали дружно поддавать ему. Я же ничем не мог помочь своему питомцу. Крачки, окончательно осмелев, на середине реки сбили его на воду. По воле счастливого случая он поднялся вскоре и что есть силы устремился к дому. Чуть было не утопили! А тут вот этот самый Чика с такой профессиональной дерзостью обезглавил голубя.

Недели через две, в середине августа, Чика стал самостоятельным. Однажды он не пожелал идти на руку (он жил свободно) и вскоре улетел. Прошла неделя, и при случайных обстоятельствах я встретил его в городе.

Сомнений не было, что это Чика, на лапе у него капроновый ремешок. Однако мой выкормыш не подпускал к себе и не обращал внимания даже на лакомое угощение. Сокол улетел, поднявшись высоко над городом, и больше его я не видел. Такой же финал был и со вторым выкормленным мной балобаном. Только встретил его опять-таки в городе дней через десять после того, как он улетел. Он также не подпустил меня близко и улетел за пределы города. Я не сомневался, смотря им вслед, что птицы прекрасно себя чувствовали, не нуждаясь в моей опеке. По-видимому, они успешно промышляли сами.

По сведениям В. Н. Шнитникова, у балобанов отмечена привязанность к старым гнездам. Даже после вылета молодых они еще долгое время не желают совсем оставлять своих гнезд.

Спустя некоторое время после вывода птенцов, иногда уже осенью, балобаны (обыкновенно самец и самка) долго держатся у какого-нибудь старого опустевшего гнезда. Они подолгу сидят в нем, чистятся и отдыхают, сюда же приносят добычу, а часто с криком гоняются друг за другом, как это делают весной.

Добычей для балобанов становятся самые различные животные. Эти соколы в отличие от других, например сапсана, кроме птиц, которых они бьют на лету, свободно берут и млекопитающих с земли. По-видимому, поэтому в их питании основную роль играют разные животные от таких маленьких, как мышевидные, до зайцев. В найденных мной на востоке Казахстана шести гнездах балобанов были обнаружены остатки сусликов, желтых пеструшек. Остатки этих же грызунов содержали и многочисленные погадки, лежащие у гнезд.

Но неправильно было бы сказать, что балобаны охотятся только за грызунами. Натуралисты наблюдали охоту их за такими птицами, как грачи, сизоворонки, горлицы, голуби и даже самыми прекрасными летунами — щурками. По сведениям М. Н. Пржевальского, они успешно охотились за саджой — птицей, обладающей очень стремительным полетом, преодолевающей огромные расстояния в поисках водоемов и населяющей пустыни и полупустыни Средней Азии и Казахстана.

Вот как в письме своем академик П. П. Сушкин описал В. Н. Шнитникову охоту балобана за утками:

«Мне приходилось видеть, как балобан гоняется за ними. Делает это он не с такой ловкостью и грацией, как сапсан. Иногда бросающийся на летящих уток больше, чем за версту, балобан всегда старается низом незаметно подлететь к сидящим уткам и бьет их в стаю, поднявшуюся в перепуге от неожиданного появления врага»¹.

Выслеживая грызунов, как мне удалось увидеть, балобаны сидели на увалах среди Зайсанской полупустынной равнины, отсюда им открывался широкий кругозор. Сидящего балобана, окрашенного под стать опаленной пустыне, заметить трудно, даже если видишь, куда он опустился. Заметив отошедшего от норы суслика, сокол низом стремительно мчится над землей и с лету хватает свою добычу. Закогтив зверька, он отлетает на небольшое расстояние и садится, чтобы умертвить его. Е. В. Козлова, многократно наблюдавшая охоту балобанов в пустынях Центральной Азии, описывает ее следующим образом:

«В поисках добычи... балобан летит низко над землей, делая крыльями частые взмахи, или парит на одном месте, трепеща крыльями. Нередко караулит зверьков, сидя

¹ Шнитников В. Н. Наши животные в фотографиях с натуры. Алма-Ата, Казобъединение Госиздата, 1949, ч. II, с. 211.

на бугре, на камне, телеграфном столбе или на другом возвышении... Иногда ест (он) крупных саранчовых, преследуя их пешком, когда этой добычи много»¹.

Летными молодые балобаны становятся в конце июня — начале июля. После вылета они еще долгое время опекаются родителями. Очень интересно об их поведении как птиц открытых мест пишет П. П. Сушкин, взявший на воспитание четырех птенцов с целью проследить их линьку:

«Дикость этих птенцов была изумительной; хотя я взял их из гнезда сравнительно молодыми и выкармливал вместе с алтайскими балобанами, которые были очень ручными, джунгарские балобаны так и не приручились и по своему нраву скорее напоминали тетеревиатников. Инстинкт птицы, живущей в беслесных горах, выявился любопытным образом на моих питомцах, когда после долгого путешествия по юго-восточному Алтаю и северо-западной Монголии мы наконец вступили в таежную часть Центральной Азии. В первое время при приближении выючной лошади, где сидели мои сокола, к дереву, в особенности, когда выюк проходил под низко нависшими ветвями, сокола от близости необычного предмета проявляли панический страх»².

С середины августа можно видеть молодых балобанов, вылетевших далеко за пределы мест гнездования. Однажды я наблюдал, как две молодые, играющие около отвесных глинистых обрывов птицы молча гонялись друг за другом, совершая при этом красивейшие повороты и пируэты. Оказавшийся вверху балобан вдруг складывал крылья и пикировал на свою цель и, достигнув ее, внезапно взмывал вверх. Вскоре птицы поменялись

¹ Козлова Е. В. Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л., «Наука», 1975, с. 25.

² Сушкин П. П. Птицы Советского Алтая. М.-Л., АН СССР, 1939.

ролями. Игра молодых иногда продолжается более часа. Время от времени они садятся и отдыхают, чтобы с новой энергией возобновить игру. В этот период балобаны часто концентрируются на местах, где легко добыть пищу. Вот что по этому поводу писала Е. В. Козлова, изучавшая птиц Монголии и Забайкалья:

«В первых числах июня при проезде по Калганскому тракту на автомобиле в степной части пути мною было отмечено необычайное количество соколов. На протяжении 80 километров... они сидели почти на всех телеграфных столбах и всюду на земле. Балобаны держали себя очень странно. Когда автомобиль остановился у очередного столба, то сокол, сидящий на нем, оставался на месте, и нужно было искусственно испугивать его, чтобы заставить подняться...»¹

В этой местности орнитолог Е. В. Козлова в течение трех часов для научных целей сумела добыть четырнадцать балобанов. Такое массовое скопление крупных соколов — явление редкое. В наше время это трудно представляемая картина, так как численность их стала очень низкой. За все время экспедиционной поездки не всегда можно было встретить хотя бы одного балобана. Обычным этот сокол был летом 1978 года в Зайсанской котловине, где наблюдалась тогда массовая численность желтой пеструшки. Здесь только за одну экскурсию встречали одного — трех балобанов. А в горах Манрака, в районе вершины Шорбас, в июне 1976 года на расстоянии трех-четырех километров нами было найдено четыре гнезда этих птиц. В этой связи желательным бы эти горы взять под особый контроль с целью поддержания численности в нашей республике не только балобанов, но и сапсанов, найденных на гнездовании в этой же части хребта.

¹ Шнитников В. Н. Наши животные в фотографиях с натуры. Алма-Ата, Казобъединение Госиздата, 1949, ч. II, с. 211.

С наступлением зимы соколы улетают в Индию, Переднюю Азию и часть их зимует в северных районах Африки. И лишь незначительное число остается зимовать в южных районах страны.

Немного в литературе сведений о поведении их на местах зимовок. Поэтому особый интерес представляет яркое описание наблюдений за балобаном в Африке, сделанное в прошлом веке натуралистом Гейглином:

«Когда на лагуны и болота Нильской дельты слетится много всякой водяной птицы, сюда в то же время собирается большое количество соколов и орлов, именно: египетские кречеты и сапсаны, могильники и орлы-крикуны, которые здесь не терпят недостатка в добыче. Вместе с ними местами показывается и балобан. Вскоре он высмотрит себе какой-нибудь пост на одиноко стоящем сикоморе, на пальме или акации, с которых он мог бы осматривать кругом весь свой охотничий район. Лишь только пробудится день, а вместе с ним и оглушительный шум тысяч сбившихся в стаи гусей, уток, песочников, насевших по тростниковым островам в лагунах или по мелким водным пространствам, балобан покидает свой пост. Но еще густой, стелющийся понизу туман покрывает собою водную ширь, что, впрочем, отнюдь не препятствует никому приняться за охоту. Большею частью без всяких предварительных кругов он несется по прямой линии вниз на какую-нибудь оживленно квакающую стаю уток. Мгновенно наступает гробовая тишина! Водяные курочки и другие плохие летуны приседают и стремительно ныряют вглубь, в то время, как утки, надеясь на быстроту своего полета, внезапно снимаются и ищут спасения в быстром бегстве. Сокол всегда забирается немного выше, стрелой несется над ними, с изумительной ловкостью сбивает свою жертву ударом или схватывает ее когтями и уносит с собой, часто преследуемый кричащими коршунами и пустельгами, на которых он не обращает ни малейшего внимания. Он садится на какое-ни-

будь ближайшее, несколько возвышенное, сухое место, где и принимается за еду. Иногда он летает кругом высоко в воздухе и, словно играя, бросается на летающих повсюду болотных птиц, ускоряя свой полет только тогда, когда добыча ему достаточно приглянется. Последняя редко укользает от него, хотя балобан охотится с меньшей поспешностью и удалью, чем его сородичи. В жаркое время дня он усаживается на дерево, а с наступлением вечерних сумерек он летит на ночлег спокойным, ровным, слегка тяжеловатым полетом»¹.

Как уже известно, балобан является в основном истинным «мышеловом», то есть в его питании, особенно в период размножения, большую роль играют такие грызуны, как суслики, хомяки, пеструшки и другие зверьки. Это ставит его в ряд особенно полезных для сельского хозяйства птиц.

Вообще сейчас соколы повсюду стали редкими и нуждаются в строжайшей охране как образец неповторимого в живой природе.

¹ Брем А. Э. Жизнь животных. С.-П., 1849, т. VI, с. 245.

ГОСТЬЯ
ИЗ МОНГОЛИИ

От перегретого воздуха плавятся горизонты, белесые миражи заводняют даль. Наш «газик» мчался по выжженной равнине в сторону озера Зайсан, следуя изгибам и поворотам пропыленной дороги. Вдруг вдали красным рубищем заалели глины Киинкириш. От дрожащего воздуха цветистые глины пылали разноцветным пожаром, привлекая внимание путника. И вот в сизом мареве проявились очертания черной горы Карабирюк. Образованная выходами палеозойских пород, эта древнейшая гора вытянулась параллельно северному побережью Зайсана и издали очень даже походила на гигантский саркофаг, обративший свой каменный лик в сторону встающего солнца. Здесь всегда испытываешь чувство, что попал в давнее прошлое. Это происходит от молчаливых, опаленных солнцем серо-желтых холмов и песчаных пустынь Призайсанья. Само озеро получило название Зайсан, что значит «благородный».

Машина остановилась среди разреженных зарослей зайсанского саксаула. Развалистые кусты светло-зелеными купами возвышались среди начавшей желтеть июньской полупустыни. Сухо поскрипывает под ногами желтоватый бисер кварцевых окатышей, густо усыпавших твердую глинистую почву. Как капельки солнца, они играют отраженным светом. Сиреневые и почти фиолетовые краски кустиков солянок цветными плоскими ежами виднеются повсюду и придают особый, ни с чем не сравнимый, экзотический колорит этому уголку Восточного Казахстана.

Только здесь и больше нигде в нашей стране встречалась пернатая гостья из соседней Монголии, редчайшая птица нашей фауны — монгольская саксаульная сойка; только здесь в прошлом веке, проезжая Зайсанской котловиной, наблюдали ее знаменитые путешественники-натуралисты Альфред Брем и Отто Финш, совер-

шавшие свое путешествие в Сибирь, которое финансировал русский меценат А. М. Сибиряков.

Нам предстояло обследовать тщательно эти чахлые древесные заросли, если их так можно назвать, и поискать эту редкую таинственную птицу, надеясь лишь на большую удачу. Монгольскую саксаульную сойку видел здесь же натуралист В. А. Хахлов, проживающий в начале века в городе Зайсане. Вот, что позднее написал В. А. Хахлов об этой сойке:

«В действительности гнездовье постоянное в полупустыне к северу от оз. Зайсан по саксаульникам у Карабирюк. Форма исчезающая».¹

С большим нетерпением, обуреваемые жаждой увидеть своими глазами, переоткрыть ее здесь, мы принялись петлять и внимательно осматривать этот зеленый уголок котловины. Однако поиски наши оказались тщетными: никаких следов пребывания обитательницы пустынь. Поиски ее мы продолжали на протяжении ряда лет во время многочисленных экспедиционных поездок, и, вероятно, еще будем продолжать, хотя каждый раз горячее желание свидания с ней и надежда на него сменялись временным легким разочарованием.

«Форма исчезающая», — справедливо было сказано натуралистом — В. А. Хахловым. Оправдано также и суждение академика П. П. Сушкина, что подоцесс Хендерсона (ее латинское название), проникающая сюда, к Нор-Зайсану (старое название озера) через пустыни Монголии и едва ли правильно гнездящаяся в этих местах. Чтобы оправдать наши надежды на встречу с этой птицей у Карабирюк, следовало бы подчеркнуть одну особенность некоторых видов животных, которые находятся в местах границ своих ареалов: эти животные в силу некоторых факторов естественного порядка в годы

¹ Хахлов В. А. Зайсанская котловина и Тарбагатай. Птицы. М., «Красное знамя», 1928, ч. I, с. 55.

благоприятные способны выходить на крайние посты своего распространения или отступать в глубь своей территории в годы неблагоприятные. Такое изменение границ ареалов в отдельные годы называют пульсацией. Мы как раз на это и рассчитывали. Вдруг да сойка опять объявится в этих саксаульниках?

Монгольская пустынная сойка — выходец из Центральной Азии, там она сформировалась как вид. В настоящее время она живет в пустынях Монголии и в сухих равнинах центральноазиатского поднятия, в Цайдаме, Кашгарии и Джунгарии. Небольшая часть северной границы ее ареала в виде языка заходит к северу, достигая Зайсанской котловины. Природная стихия этой птицы — глинисто-песчаные пустыни и полупустыни обширных выравненных пространств, местами покрытых редкими кустиками многолетних травянистых растений или кустарников, как, например, караганы, саксаула, эфедры. Или же это полынно-злаковые слегка остепненные участки безводных равнин. Имеются сведения, что в некоторых местах она заходит в бугристые пески, поросшие пустынными кустарничками или же покрытые зарослями чиевников.

Способность проживать в бугристых песках несколько обнадеживает: в подобных песках пустыни Кзылкум в северной части Призайсанья нам летом 1978 года, в июле, дважды на песке встречались следы бегущей сойки. Возможно, конечно, что они принадлежали изредка заходящей в эти края другой похожей птице — среднеазиатской саксаульной сойке.

Монгольская сойка принадлежит к известному семейству вороновых птиц, но мало кому известному роду этого семейства — роду пустынных соек. Это очень оригинальные птицы: весьма подвижные, способные бегать с поразительной быстротой существа. У них длинные ноги-скороходы. Скорость бегания их так велика, что птицы, нередко, скрываясь от опасности, предпочитают бег

полету. Так что у убегающей сойки ноги мелькают почти невидимо, как спицы велосипедного колеса во время скорой езды. Поэтому удирающие от опасности птицы кажутся не бегущими, а катящимися по земле. Спугнутая сойка в считанные секунды пропадает из глаз и, как песчинка, теряется из виду. Убегая, они имеют свойственную им привычку на миг задержаться и, словно оценив расстояние, на котором находится от нее, скажем, человек, «укатываются» стремительно в заросли. Как пишут наблюдатели, она выскакивает на какую-либо возвышенность или взлетает на кустарники, чтобы оглядеться и, узнав, с кем имеет дело, вести себя соответственно. Обеспокоенная сойка, подобно каменке, дергает крыльями и скидывает хвост, что говорит о нервозности этой осторожной и нелюдимой птицы. Лишь в крайних случаях удаляющаяся сойка поднимается на крыло и низко летит над землей и, как правило, пролетев немного, мягко садится и, почти не теряя скорости, бежит некоторое расстояние по земле.

Монгольская пустынная сойка не только осторожная птица, она по-своему хитра. Заметив появившегося в своих владениях человека, таится за камнями или прячется за кустами, но тайком выглядывает из-за укрытия — не ушел ли непрошенный гость. И выбрав подходящий момент, она незаметно старается улизнуть, не попадаясь на глаза.

Голос встревоженной сойки звучит однообразно. Он резковат, с частыми перерывами, и далеко разносится среди скудных зарослей с виду в тихой и мертвой пустыне. Например, Н. М. Пржевальский, наблюдавший их во время путешествий по Центральной Азии, писал, что крик этой сойки отрывистый и передать его можно как «джинь-джинь». Голос ее несколько напоминает крик пустынного зверька — песчанки или даже сурка.

Сойка этого вида — небольшая птица, размеры которой достигают величины дрозда. Как и следовало бы

ожидать, для животного, связанного всем своим существованием с пустынями, должна быть и пустынного типа окраска — песчано-охристая «пустынная». Эта сойка под стать своей дальней родственнице — лесной сойке — птица так же ярко и пестро окрашенная. Цвет ее оперения как бы вобрал в себя цвет опаленных пустынных равнин и блестяще-черных камней, рассыпанных в пустынях, почерневших от «пустынного загара», и сияние редкого здесь снега. У нее рыжевато-бурая, почти песчаная спина и брюшко, словно птица надела жилет песочного цвета. Такой «пустынный» или «ландшафтный» тип окраски под цвет среде обитания, где живет вид, называется гомохроматическим. Наличие этой окраски важно для обитателей этих мест. Например, подобную окраску имеют саджи, некоторые жаворонки, пустынная славка и ряд других. У исконных обитателей песков и полупустынь: ящериц-вертихвосток, круглоголовок, агам и многих других — она такая же. Этот тип окраски свойствен также и млекопитающим, например: кулану, сайге, песчанкам, тушканчикам, хомячкам.

Крылья сойки темные, с синеватым металлическим отливом. По середине крыла белая полоса — зеркальце, — которую особенно хорошо заметно, когда птица летит. Светлые участки оперения имеются на горле и под хвостом. На голове ее красуется изящная с черным отливом «пилоточка». Так что сочетание всех этих цветов в оперении сойки делает ее во время полета очень пестрой и нарядной.

Хотелось бы несколько слов сказать о роли светлых участков в оперении сойки. Эти пятна, по мнению специалистов, играют роль опознавательных сигналов для особей данного вида: они далеко узнают друг друга и соответственно ведут себя. Или же держатся вместе, или же, напротив, — на нужном расстоянии, если это диктуется необходимостью. Такие светлые или же яркие черные пятна у многих животных с пустынной окраской,

например, у саксаульной сойки, козодоя, каменок. Из млекопитающих-пустынников — у джейранов, куланов и разных тушканчиков.

Клюв сойки, длинный и узкий, слегка изогнут, что делает его весьма изящным инструментом в добывании пищи. Основание клюва прикрыто многочисленными щетинками, плотно окружающими ноздри, что защищает их от удушливой пыли и, вероятно, имеет какое-нибудь и другое биологическое предназначение. Сильный клюв позволяет сойке расправляться с кузнечиками, жуками и другой шестиногой живностью. Эти птицы клювами, словно миниатюрным кайлом, выкапывают из почвы глубиной в целую четверть личинки насекомых. Однажды еще не распавшаяся семья соек успешно охотилась за ящерицами, «доставая их из норок». Кроме живности, сойки охотно поедают зеленые сочные стебельки и листочки пустынных растений, зимой — семена.

Гнезда их, обнаруженные в Кашгарии, находились на земле под прикрытием кустиков, а также среди камней, под скалой. По внешнему виду и устройству, как пишут одни наблюдатели, они походят на вороны, другие же сообщают, что на гнезда сорок. Строятся они из прутиков и разных корешков. Выстилкой им служит шерсть различных животных, утерянная линяющими зверями или подобранная у караванных дорог.

В кладке не более трех-четырёх пестрых яиц. В связи с гнездованием этих соек на земле птенчики их в отличие от птенцов других вороновых задолго до того, как научатся летать, оставляют гнезда и долгое время опекаются родителями. Ранний выход из гнезд играет в жизни выводка немаловажную роль: нетрудно представить, что натолкнувшийся на гнездо хищник, например лиса, способен сразу загубить весь молодняк, набив им зубастую пасть. Однако в том случае, когда птенцы все разбегаются в разные стороны и затаиваются в укрытиях, жертвой может быть один-два, остальные остаются.

До сего времени сведений о размножении этих соек в отечественной литературе очень мало: сойчат с короткими крылышками орнитологи встречали в начале мая, а летных — в конце июня и даже в августе. В последнем случае кормящая птица корм для птенцов собирала вблизи домов (Заалтайский Гоби).

С точки зрения специалистов загадочны и интересны родственные связи пустынных соек с остальными птицами семейства вороновых. Кстати, всего лишь из четырех видов состоит род пустынных соек: монгольской, кашгарской, среднеазиатской и иранской. Одни ученые считают их ближайшими родственниками американской кедровки, на которую они походят во время полета, другие ставят их близко с обыкновенной сойкой — типичной птицей лесных ландшафтов. Считают их и далекими родственниками клушицы или красноклювой галки, обитательницы высоких гор. Мнение известного советского орнитолога Е. В. Козловой, супруги ученика и друга знаменитого путешественника и исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского, совершенно иное: Елизавета Владимировна считает, что это очень древний род в столь же древней семье вороновых. Он ответвился от основного семейного ствола очень давно и самостоятельно развивался в условиях засушливых иранских и центральноазиатских саванн, поэтому, естественно, и оказался очень оригинальным, хорошо приспособленным к крайне засушливым азиатским пустыням.

КАРАТУРГАЙ

Иду по ровной весенней степи. Молодая, вечно зовущая, тысячеголосая жавороночья степь. Среди жухлых прошлогодних типчаков, дрожащих на легком ветру, шумят и шелестят жесткие стебельки оббитых ковылей и чиевников. Кое-где темнеют кустики приземистых зарослей караганы, спиреи. Ярко белеют последние островки снега. А вдали, с юга, едва угадываются очертания далеких гор. Можно часами бродить по бескрайним просторам казахской степи... Но степь настолько однообразна, что, сколько ни иди, а будто стоишь на одном и том же месте.

Только легкий ветерок, только голоса жаворонков и оживляют этот однообразный мир степей. Но вот прямо из-под ног неожиданно взлетает птица. Крупная и черная. Не сгибаемая широких крыльев, как большая черная бабочка, она медленно всплывает над потеплевшей степью. На какой-то миг эта чудная птица останавливается и, изогнув дугой крылья, косо снижается к земле. Но тут же, словно спохватившись, усиленно машет широкими и округлыми, как две ладони, крыльями и медленно уменьшается на глазах, тонет в бирюзовом поднебесье. И тогда над степью рождается мелодичный и торопливый голос. Птица поднимается все выше и выше, с каждой секундой тает в вышине и скоро обращается в едва заметную точку. Смотрю, задрав голову, и кажется мне, что она поднялась выше тех призрачных гор, что ломаной линией своих вершин очерчивают южный горизонт, и, словно потеряв земное притяжение, все уходит и уходит от земли, только песня не умолкает, напротив, она набирает силу и, кажется, вместе с лучами солнца стекает на вешнюю степь. Певец утонул в небесах, а песня живет. Глаза потеряли его, а слух радуется неумолчному чистому звуку. Я опустил голову, наслаждаясь, слушаю легендарного — черного жаворонка.

Жаворонок — певец просторов! Чудная птица: когда он в воздухе, голос его оживляет степь, а когда на земле, песня теряется вместе с ним. Давно уже не видно небесного певца, и напрасно я пытаюсь еще отыскать его в пустом небе. И широкий простор, озаренный чистым солнцем, озвученный теплым ветром, рождает уже, кажется, свою степную мелодию, такую же раздольную и бесконечную, как сама степь. И думается: степи и песни! Сколько их самых разных, самых коротких и длинных, самых веселых и самых грустных.

Издревле казахи хорошо знали черного жаворонка. С незапамятных времен бок о бок человек и птица делили радость и невзгоды под небом казахской степи. Называли его каратургай, что в переводе означает — черный воробей. О каратургае сложены старинные казахские песни и рассказываются красивые легенды. Но сейчас вспомнилась одна. Она тоже степная и, пожалуй, самая грустная — из тех многих, какие я слышал когда-либо. Это старинная казахская песня «Каратургай» о любви, о глубокой девичьей печали.

...Было это так давно, что каких-либо подробностей уже не помнят даже самые старые аксакалы. Рассказали им об этом их деда, которые слышали эту историю от своих дедов, а тем дедам рассказывали, как гласит эта легенда, деда их дедов.

В те времена люди еще не знали ни богатых, ни бедных. Не было тогда ни царей, ни баев. Но уже тогда среди людей жила Любовь, а еще добрые и злые волшебники-дэвы. Вот тогда-то в одном из затерянных в необъятной степи аулов жили беспредельно влюбленные — прекрасная Айгуль и славный джигит Айдар. Любовь их была такой сильной и чистой, что даже злой дэв — Шайтан-Хан — оказался бессильным что-либо сделать, чтобы их разлучить.

Наступил долгожданный день свадьбы. Над кострами дымились большие казаны, наполненные жирным бес-

бармаком из молодых барашков. Шипящие и пенистые струи кумыса играли между черпаком и кесе, наполняя их для желанных гостей, приехавших из дальних степных аулов. Уже в тени под чинарой звенел голос самого знаменитого акына под глухие и торопливые звуки домбры. Акын пел о любви, о счастье девушки и джигита и прославлял их почтенных родственников. Но не суждено было акыну допеть свою бесконечную, как степь, песню, как и не суждено было сыграть счастливую свадьбу.

Внезапно и навсегда была прервана песня, чтобы потом веками звучать в другой песне — «Каратургай». В самый разгар торжества в аул черным смерчем ворвался Шайтан-Хан и похитил девушку. Разгневанный и оскорбленный Айдар в горьком отчаянии вскочил на своего быстрого коня и вихрем помчался следом за злым волшебником. Но разве смелому джигиту догнать дэва. Увидев за собой погоню, Шайтан-Хан сначала рассмеялся над жалким смельчаком, а потом ему стало так весело и смешно, что он решил не убивать храброго джигита, дэв обратил его в скромного серого жаворонка, каких тысячи летают над казахской степью. Но Айдар кипел готовностью сразиться, погибнуть в честной и справедливой, хотя и неравной борьбе. А чтобы вот так просуществовать вдруг маленькой и безобидной птичкой-жаворонком, которому всякая поганая ворона и облезлая лиса враг, он никак не ожидал. От горя и обиды несчастный жаворонок решил лучше умереть, чем жить без любимой. И тогда он поднялся так высоко, что коснулся солнца, и, опаленный его дыханием, почерневший и бездыханный, упал на землю.

Здесь вмешался добрый волшебник Жаксы-Хан. Ему удалось вызволить несчастную девушку и вернуть ее в родной аул. Увидев распростертую на земле птицу, черную, как уголек, и мертвую, Айгуль узнала в ней своего любимого Айдара и горько заплакала. Слеза упала на грудь обгоревшего жаворонка, и в тот же миг в ней засту-

чало маленькое сердечко. С той самой поры люди аула видели, как несчастная Айгуль одиноко сидела где-нибудь в степи, а над нею вился и пел черный жаворонок. На своем птичьем языке он пел о любви, о разлуке, и песня эта была на редкость печальной.

И сейчас так же грустно звучит песня о девичьей печали, о черных крыльях степной птицы. Я слушаю и слушаю нескончаемую песню каратургая. Шумят на легком ветру жухлые травы, вдали виднеется нечеткий контур далеких гор, и с голубого поднебесья льется на широкую степь звонкая песня легендарной птицы. Но вот жаворонок широкими кругами стал снижаться. Движения его поразительны: взмахи крыльев сопровождаются все тем же приятным пением. Плавными широкими взмахами, по спирали, он летает над степью и, как в костяные ладоши, хлопает ими, словно аплодирует сам себе, только и слышно, как щелкают крылья.

Полет его до некоторой степени напоминает токовой полет голубя или даже крупной летучей мыши: серия частых взмахов вдруг сменяется скольжением при сложенных за спиной «лодочкой» крыльях. И вот он, взяв разгон, быстро летит над самой землей, садится на вершину поодаль стоящего кустика и сразу же поворачивается грудью к ветру, продолжает петь свою чудесную песню. Иногда можно наблюдать, как скользкий к земле по наклонной певец вдруг выбрасывает вперед, словно шасси, свои черные, будто лакированные, лапки и камнем падает в траву.

Каратургай — *Melanocorypha yeltoniensis* — живет у нас в Казахстане, в степях, и мы привыкли, что у степной птицы окраска должна быть серая, например, куропаточья, перепелиная или жавороночья. Однако у самцов каратургая она черная, и нигде с такой окраской не спрячешься: ни в зеленых ковылях, ни в сизой полыни. Серо-желтая полупустыня тоже не скроет. Даже среди

кустиков караганы, спиреи и чиевников птица далеко видна. Издали заметна она и в полете.

Черный жаворонок принадлежит к хорошо известному семейству жаворонков, но окрашен наш пернатый герой не в обычный серый жавороночий цвет, а в черный. Он как уголек. Прежде его называли татарским жаворонком, а также за сходство со скворцом, степным скворцом. На степной окраине Алтая, куда он регулярно прилетает зимовать, называют его чернышом. Все приведенные нами названия черного жаворонка касаются окраски самцов. Самка его окрашена проще — серенькая, и поэтому, зная, что это самки чернышей, на Алтае их называют ласково — женушки чернышей или просто женушки. Как видно, приметная птица черный жаворонок и в разных местах у разных народностей она получила свои названия.

Черный жаворонок живет в степях нашей обширной республики. На эту особенную птицу степей обратил внимание в свое время и знаменитый натуралист Альфред Брем, вот что он писал: «По моему мнению, их можно считать одними из прелестнейших, если не самыми привлекательными птицами, населяющими степь».

Эта замечательная птица во многом отличается от других жаворонков, составляющих большое семейство и прославившихся своими неповторимыми звонкими песнями. Как я уже говорил, черный жаворонок гнездится в степях Казахстана и поэтому он представляет гордость нашей республики. Лишь на западе и севере он выходит несколько за границы республики.

Область гнездования его простирается от Урала, в северной части Казахстана, южная граница проходит полупустынями северного Прибалхашья, выходит в Зайсанскую котловину и проникает в предгорья Калбинского Алтая. Приспособленный к жизни среди степных пространств этот жаворонок гнездится в разнотипной степи и полупустынях, не чуждаясь местности, покрытой

разреженными кустарниками — спиреи, караганы, а также полыни. Черный жаворонок охотно садится на эти кустарники, где отдыхает и поет.

В Зайсанской котловине он найден на гнездовании среди разреженных зарослей белого саксаула, в чиевниках, стоящих на засоленных почвах. В калбинских предгорьях, на востоке Казахстана он живет до ковыльно-типчаковым степям, среди которых выбиваются небольшие каменистые холмы. Соседи его — полевые и рогатые жаворонки, журавли-красавки и в прошлом дрофы.

Весной с первыми проталинами, которые появляются на юге республики в конце февраля, на севере — в конце марта — начале апреля, когда нередки еще метели и по ночам резвятся заморозки, но днем, в оттепель, бесследно тает и рушится ледяная корочка наста, когда с каждым часом ширятся темные прогалины, тогда и возвращаются с мест зимовок к своим гнездовьям черные жаворонки. Сотенными стаями низко над землей, огибая холмы с легкой журчащей скороговоркой, летят они к родным местам в самых различных и порой противоположных направлениях: на юг, на север, на восток и запад. Объяснить это можно только тем, что с наступлением холодов птицы разлетаются разными путями. И это тоже одна из особенностей каратурская. Раннее появление стаяк их воспринималось как добрая весть пастухами-кочевниками, как доброе предзнаменование скорого тепла. Как грачи на полях Европы, как галки на Алтае, черные жаворонки в степях Центрального Казахстана являются первыми вестниками весны, конца зимних бурь. Поэтому люди всегда рады им.

Следом за чернышами небольшими стайками следуют их серенькие женушки. Поначалу самцы выбирают себе гнездовые поместья, а самки — себе суженого. Он должен сделать все, чтобы поразить ее влюбчивое сердечко

своими изысканными манерами. Ухаживание проявляется в токовании.

Черные жаворонки токуют, находясь на земле. В это время они припадают грудью к земле и, развернув хвост, поднимают его почти вертикально. Крылья опущены, и перья на шее поднимаются в виде воротника. В такой позе самец с журчащей трелью прыгает вокруг своей серенькой «женушки», и от прилива нахлынувшей вдруг энергии внезапно взмывает и медленно, словно разучившись летать, смыкает крылья за спиной, как танцовщица — руки в восточном танце, и, принимая грациозные позы, токует в воздухе.

Гнезда эти жаворонки устраивают под прикрытием кустиков какой-либо растительности. Они не отличаются усердием и аккуратностью в гнездостроении. Постройки их обычно рыхлые, из стебельков различных трав. Стенки гнезда тонкие, иногда это просто травяной валик, и яйца откладываются прямо на голую землю. Кладка черного жаворонка состоит из трех или четырех яиц, имеющих пеструю, как и у других жаворонков, окраску. Устройство гнезд и появление яиц приходится на конец апреля.

На гнездах сидят только самки и, конечно, здесь в полной мере проявляются все преимущества ее серой покровительственной окраски. Благодаря ей, птица настолько сливается с фоном сухой глинистой почвы, что можно пройти совсем рядом и не заметить, можно даже наступить. К тому же самка сидит очень крепко и вспугнуть ее удастся лишь случайно, поэтому и гнезда их нечасто можно обнаружить.

На тринадцатый день в гнездах появляются долгожданные птенцы. Вылупляются они совершенно беспомощными. Тело их покрыто длинным пепельно-буроватым пухом. Птенчики сбиваются в гнезде в тесную кучу, сплетаются шейками и, как будто покрываются шапкой-невидимкой, становятся совершенно неотличимыми от окружающей земли среди сизых кустиков полыни. На легком

ветру качаются травинки-былинки, дрожат стебельки их и листья, и так же дрожат на ветру пушинки на головках и спинках птенчиков. Будто это вовсе и не птенцы, а упавшая веточка полыни. Но стоит только тронуть их рукой, как в тот же миг, решив, что у гнезда родители, они дружно вскидывают головки и дымчатый с рыжинкой шарик на глазах расцветает ярко-алыми лепестками открытых ртов.

В полдень солнце так раскаляет землю, что и без того низкая тень кустиков сокращается до предела и негде спрятаться от убийственной жары. Все живое в это время уходит в норы и трещины подальше от солнца. Густыми невидимыми струями течет терпкий запах полыни над раскаленной равниной Зайсанской котловины. Плавно поднимая и опуская светлые крылья, плывет одинокий степной лунь. Гнетущую тишину время от времени нарушает дружный хор поющих цикад. Насекомые то внезапно начинают зудящий звон, то также, словно по взмаху невидимки-маэстро, замолкают. Низко над равниной пролетают парами саджи, в стремительном полете пересекают зримую даль и пропадают за тягучим от миражей горизонтом.

Остаются только полуденный зной и эта особая гнетущая знойная тишина. Но долго еще в ушах стоят журчащие грудные голоса промелькнувших птиц. Мы садимся в машину и мчимся к полуразвалившемуся мазару, окруженному серебристо-серой полынью, в надежде увидеть здесь какую-нибудь живность, зная, что в таких местах охотно поселяются различные зверьки и птицы. Глубокие трещины в этом надгробном сооружении говорят не только о его древности, но придают ему весьма живописный вид. Вскоре же на его макушку опустился черный жаворонок. Клюв от жары раскрыт, крылья опущены. Казалось, что жаворонок невидящим взглядом смотрит в серую даль. Но вот из норы, у стены мазара, высунулся суслик и лениво заковылял вдоль него. В тот же миг жаворонок

сорвался и, настигнув зверька, принялся яростно долбить его по голове и спине. Он буквально оседлал незадачливого гуляку. Щипки следовали один за другим. В панике терпеливый суслик с крылатым наездником мчится к своей норе и исчезает в ней. Агрессивное поведение жаворонка несколько озадачило нас. Это означало, что где-то здесь у него гнездо. Мы завесили темным полотном задние окна «Победы», чтобы быть менее видимыми и приготовили фотоаппараты. Как большинство животных, осторожных по отношению к человеку, жаворонок доверялся «железному зверю», у которого вместо ног колеса и который сам по себе никогда не преследует его. На это мы и рассчитывали, выглядывая из окна машины. Не выпустив птицу из виду, продолжаем наблюдать за ней.

Вскоре черныш метнулся и сразу же потерялся в полевой равнине. Но уже через несколько минут он вновь появился на мазаре с целым букетом насекомых в клюве. Оглядевшись, он слетел и, не спеша оглядя кусты, покотился к гнезду. Перед ним, как из-под земли, выросли три оранжевых рта, похожих на маленькие тюльпанчики, качающиеся на тонких стебельках-шейках. Отец рассовал по открытым ртам корм и, подцепив капсулу помета, также быстро укатился и скрылся среди полевой. Совершенно неожиданно тут же у гнезда появилась серенькая самка. Она раздала корм и также незаметно скрылась.

Птенцы лежали на раскаленной земле. Вразброс вокруг них валялись стебельки полевой и других травянок — остатки бывшего гнезда. Почва обжигала нам босые ноги, птенцы тоже страдали от жары. Они, как слепые котята, расползлись в разные стороны, по-видимому, в поисках спасительной тени. Взяв одного из них в руки, я испытал такое ощущение, что держу снятую со сковороды недожаренную котлету. Кожа птенца была темная, как закопченный пергамент. Вот-вот должны были появиться родители, и я поспешил положить птенца

обратно. Показался самец и, сделав несколько кругов, вновь опустился на избранный выступ мазара. На этот раз он прилетел без корма и, словно убедившись, что все в порядке, почти касаясь вершин серебристой сникшей полыни, полетел низко над степью. А еще через несколько минут он сидел с кормом у гнезда и, отдав его птенцам, взлетел на глиняную стену.

Степь притихла, молчит. Вокруг ни звука. От зноя обмякла полынь, раскаленная земля отдает последнюю влагу и, как на сковороде, корчатся горячие птенцы. Того и гляди хватит их тепловой удар. Да и мы сидим, обливаясь потом, в машине, раскаленной наподобие консервной банки. Хочется выскочить и глотнуть свежего воздуха. Но что это?..— Перед глазами проплывают сырые, отдающие прохладой луговины, затем мелькают заснеженные равнины. Все это трудно связать с окружающей нас действительностью, но было именно так. Наше воспаленное воображение подстегнуто, как это ни странно, самим жаворонком: он вдруг закричал гнусавым и надоедливым голосом чибиса, живущего на увлажненных луговинах, защебетал чечеткой — зимней гостьюей наших полей — и тоскливо засвистел рогатым жаворонком, остающимся у нас на зиму.

Вновь беру птенца. Он ворочается в руке, его темная кожа шумит, как пересохшая бумага, и что-то постоянно пощелкивает у него внутри. Прячу всех в тень возле полынного кустика, но они упорно ползут в разные стороны и уже через несколько минут оказываются на метр — полтора один от другого.

Мы едем к озеру Зайсан, чтобы отдохнуть от жары, освежиться. На склоне дня мы — опять у гнезда. И удивительно, находим птенчиков вместе в гнезде. Они сидят кучкой, втянув головки, их дымчатый пух шевелится на теплом ветру. И, как серый тарантул, прижавшийся к земле, выглядели малыши, оказавшись все вместе. Вот так загадка!

Во время выкармливания птенцов родителям приходится туго: с раннего утра и дотемна они таскают корм, кажется, что некогда передохнуть. Однако папаши-черныши и в это время выбирают минуту — другую для исполнения своей прелестной песни. Их можно видеть, как и весной, поднявшимися высоко в небо, где они ходят в плавном полете широкими кругами над гнездом. Во время поиска корма самец, то и дело скося голову, поглядывает на тех, что выются с песней в вышине и, поймав кузнечика или жука, он топорщит перо на шее и поет.

Особенно интересно наблюдать за жаворонком, когда он собирает насекомых, спрятавшихся от солнца под лежащими кусками коровьего навоза вблизи пастбищ. Сильным клювом птица одним движением опрокидывает кусок аргала, вес и размеры которого значительно превосходят ее самое, затем быстро выбирает всевозможную шестиногую живность и их личинки. Если поглядеть на его работу со стороны, то можно подумать, что птица специально ходит и перекидывает с боку на бок подсохшие лепешки коровяка, чтобы они просохли и хорошо горели в топке. Через некоторое время здесь же появляется другой жаворонек и перекидывает лепешки на другой бок. Кизяк, таким образом, быстро сохнет и дольше сохраняется. Бери и топи — отличное топливо в открытой степи или полупустыне,— да благодари каратургая.

В детстве еще я неоднократно пытался содержать у себя дома черных жаворонков. Однако пойманные на воле птицы не хотели мириться с пленом и отчаянно бились о прутья клетки. Перо их превращалось в лохмотья. Приходилось их выпускать на волю. Так и осталась у меня мечта — понаблюдать за черным жаворонком поближе и получше узнать его.

И вот однажды знакомый шофер привез мне птенчика.

— На дороге спал. Все равно лиса съела бы или машина задавила. Вот и взял,— оправдывался он.

В сереньком птенчике легко было узнать именно черного жаворонка, а не какую-либо другую птичку: четкий ритмичный рисунок из серого и темного придавал ему особое очарование. Птенчик беззастенчиво открыл красноватый рот и слегка чиркнул. Получив кузнечика, он проглотил его и снова показал красноватую полость рта, словно требуя повторить.

— Вот и правильно,— говорю,— Чирка, больше от тебя ничего и не требуется.

Так я и стал звать его Чиркой. Каждый раз, насытившись, он спешил куда-нибудь в укромный уголок, подальше от глаз, там и дремал. В нем ярко усматривались черты птицы, предпочитающей свет и тепло. Освоившись с новым жилищем, он стал по-своему гоняться за солнечным лучиком, скользящим по полу в утренние часы. Высветит солнцем пятнышко, а на нем тут как тут Чирка лежит серым шариком, глазки прикроет. Солнце поднимается, уходит луч, а следом за ним — Чирка. Так каждое утро и охотился он за ярким пятнышком света. Нам тоже удобно было: всегда знаешь, где он отдыхает, не наступишь.

Но солнце падало на пол в квартире только до полудня, а птенцу тепло нужно всегда. Выход вскоре был найден: Чирка забирался мне на руку и, спрятав голову, как ни в чем не бывало, крепко засыпал. Так и сижу с ним за письменным столом, правой пишу, а в левой его держу, еще и стараюсь не шуметь: малыш все-таки, сон и покой ему нужны. Отоспится, перышки перебирает, будто не на ладони, а в степи где-то. Сам доверчиво в глаза поглядывает.

Чирка оценил тепло рук и, стоило лишь сесть за стол, как тут же он появлялся, принимался бегать около ног и делать вид, что, поднимая коротенькие крылышки, собирается взлететь. Брать надо — маленький же. В родном гнезде его обогревает мать, а здесь — моя рука.

Перед кормежкой зову:

— Чирка! Чирка!

Он уже рядом. Трясет крылышками и рот пошире открывает. Стоит положить на пол руку, сразу же в ладони лезет и умывается поудобнее, чтобы вздремнуть в тепле и безопасности.

Зная, что Чирка — уроженец солнечных степей и и поэтому нуждается в живом солнечном свете, богатом ультрафиолетовыми лучами, необходимыми для нормального развития, я стал регулярно выносить его на прогулки. Сначала он робел, пугаясь всего, и искал защиты у меня. Однако вскоре освоился и на каждой прогулке мне доставлял немало хлопот. Обычно он пускался бегать по дорожкам парка, да так быстро, что только мелькали его серовато-розоватые лапки. Мне каждый раз приходилось догонять его.

Стремление к свободе у него пробуждалось и росло с каждым днем. Пришло время, когда крылья птенца окрепли, заметно помощнел и клюв, а на ножках отросли и стали очень длинными задние когти, словно шпоры. Головка сделалась угловатой. На ней, когда Чирка пугался, перышки плотно прижимались. Вскоре прогулки наши прекратились, так как я боялся, что Чирка мог в любой момент вспорхнуть и улететь.

Теперь он резво семенил по комнате и, чего-то напугавшись, ударялся о потолок. В клетке же он вел себя так же, как и пойманный с воли. Оперение его по-прежнему оставалось серым и было неясно — самец это или самка? Наконец, я совсем потерял надежду на то, что Чирка оденет свое черное перо и станет таким же, как и те, что давно пленили мое воображение. К тому же его стремление к воле окончательно настроило меня вернуть ему его степи и ветры и, конечно, те данные ему природой позы и грацию, которые он будет демонстрировать перед самкой уже на следующую первую свою весну. Какая радость содержать дома птицу, которая, кроме окна, кажется, ничего не видит! И однажды, когда предо-

ставилась возможность выехать в очередную экспедицию в Зайсанскую котловину, я выпустил Чирку на свободу. Он полетел, словно обрадовавшись широте родной степи.

В середине июня часть молодых черных жаворонков становится самостоятельной, и уже к концу месяца почти все птенцы оставляют гнезда и собираются в небольшие стайки, которые мы часто встречаем у обочин степных дорог. Однако старые еще долгое время придерживаются своих мест гнездования. По-прежнему самцы продолжают, правда, не столь азартно, солировать и демонстрировать полет. Вскоре связь с подругой постепенно утрачивается. Но и тогда мне доводилось видеть ухаживания самца сначала за одной, а потом и за другой самкой. Черныш поднимал перья на шее и голове, опускал крылья и, как бы рассчитывая на свою неотразимость и элегантность, пытался очаровать сереньких женушек. Они были совершенно равнодушными и, казалось, что вовсе не замечали внимания с его стороны и даже критически посматривали на его вялые реверансы. Клювы самцов в это время из светлых становятся темными, что делает их не такими эффектными. У стариков на спине светлые окончания перышек оббиваются, и все их оперение становится однотонно темным.

Прошла пора любви, пора чудных песен, грациозных полетов и осталось позади горячее время забот и хлопот, связанных с воспитанием птенцов. Лето в разгаре, но уже в конце июня — начале июля стайки самцов-чернышей можно видеть у дорог или на участках оголенной степи. Однако эти мужские компании неустойчивы и легко разлетаются.

В конце августа степи и полупустыни Казахстана почти всегда выгорают, становятся однообразными и скучноватыми. Представляя Зайсанскую котловину, вижу серо-рыжую равнину, над которой, кроме саж, очень редко пролетает какая-либо другая птица. Разве только, ока-

завшись у самой дороги, вылетают многочисленные малые жаворонки. Изредка здесь встречаются и стайки молодых черных жаворонков. Они уже частично перелиняли: крылья и хвост у них стали темными, спина темно-серая, словно птицы надели темно-серые жилеты. В этом пере они и проведут предстоящую зиму.

С первыми снегопадами жаворонки оставляют свои родные степи и, следуя к местам зимовок, разлетаются в разные стороны. Бывает, что тысячными стаями птицы появляются над однообразными заснеженными просторами в поисках корма. Дальность этих отлетов определяется характером зимы: в теплые зимы большая часть каратугаев или остается у мест гнездования, или принимает незначительные кочевки, в суровые — они отлетают очень далеко. Имеются, например, в специальной литературе сведения о залетах их до Каспия, на север до Воронежа, Подмосковья и даже Ленинграда. В такие зимы эти птицы довольно обычны или многочисленны в предгорьях Алтая. Например, на Западном Алтае известны мне залеты их даже в населенные пункты. Кроме того, стайки их, случалось, появлялись в межгорных долинах, заходя далеко в горы.

Зимой черные и рогатые жаворонки имеют склонность объединяться в общие стаи на местах кормежки. Они совместно раскапывают клювами снег и собирают зерна. На местах таких кормежек образуются так называемые точки (от слова «ток кормовой»). Особенно охотно жаворонки зимой кормятся там, где росла птичья гречиха, или, как ее еще называют, муравка. От лунки к лунке тянутся цепочки характерных для них следов: коготь заднего пальца оставляет длинную черточку, а между следками-крестиками тянутся нити-почеркушки. В результате получается мелкая серебристая вязь следов. На эти кормовые точки с чернеющей землей охотно прилетают чечетки, иногда пуночки. А однажды я наблюдал

очень редких в Казахстане сибирских вьюрков — гостей из Сибири и большого Алтая.

Перед бураном черные жаворонки сбиваются в еще более крупные стаи, в поисках укрытий и укромных мест низко летают, почти стелются над заснеженными равнинами и с журчащими трелями носятся, как скворцы. Так и кочуют эти черные странники всю зиму с места на место.

Еще совсем недавно черных жаворонков насчитывали тысячными стаями. Но в последние десять — пятнадцать лет численность их сильно сократилась. Причиной этому явилось интенсивное освоение земель.

СОДЕРЖАНИЕ

5

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

7

РЫЖИЕ ДЬЯВОЛЫ ГОР

17

«НЕВЕДОМАЯ МЫШЬ»

27

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДВОЙНИК

35

ОЖИВШИЙ РЕЛИКТ

53

ПЕРНАТЫЙ ОТШЕЛЬНИК

69

ПОЗАБЫТЫЙ ОХОТНИК

91

ГОСТЬЯ ИЗ МОНГОЛИИ

99

КАРАТУРГАЙ

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ ЩЕРБАКОВ

ОЖИВШИЕ РЕЛИКТЫ

Редактор М. М. Ефремкина

Художник В. И. Воронцов

Художественный редактор Б. Р. Жапаров

Технический редактор Т. И. Мозалевская

Корректор М. П. Губина

ИБ 1018

Фотографии А. Г. Лухтанова, В. П. Прокопова, Б. В. Щербакова.

Сдано в набор 02.10.80. Подписано к печати 29.05.81. УГ 15082. Формат 70×108^{1/32}. Объем в усл. п. л. 5,25+0,35 вкл.=5,6. Уч.-изд. л. 5,18+0,38 вкл.=5,6. Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1296. Цена ~~10 коп.~~ 1520тн
Издательство «Кайнар» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.
Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Вы только что прочли книгу, выпущенную издательством «Кайнар». Нам очень интересно знать Ваше мнение о ней. Ответьте на несколько вопросов.

1. Достаточно ли глубоко разработана тема? Содержит ли книга, по Вашему мнению, оригинальные мысли и положения?

2. Удовлетворены ли Вы объемом информации, почерпнутой из книги?

Насколько эта информация была для Вас важна и актуальна?

3. Принесла ли прочитанная книга практическую помощь Вашей работе, чем именно?

4. Интересно ли читается эта книга, не труден ли для Вас язык изложения?

5. Как, на Ваш взгляд, оформлена книга?

6. Приобрели ли Вы книгу в магазине или прочли в библиотеке?

Мы просим Вас сообщить краткие сведения о себе: возраст, образование, специальность, род занятий, вид учреждения или предприятия, в котором Вы работаете, стаж работы.

Пожалуйста, заполните анкету и вышлите ее по адресу: 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143. Издательство «Кайнар», отдел пропаганды и рекламы.

Благодарим Вас за помощь, оказанную издательству в изучении эффективности выпускаемой литературы.

Издательство «Кайнар».